

Гай Юлий Орловский

Ощущения

Длинные Руки —
конуны

Принцесса
любой
ценой!

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – конунг

«ЭКСМО»

2010

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – конунг / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2010 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-42249-4

Лорды все настойчивее подталкивают сэра Ричарда к женитьбе. Целесообразность этого шага наконец понимает и сам майордом. И хотя рыцарское войско уже вторглось в Гандерсгейм, Ричард находит время для свадебной церемонии! Правда, соперников чересчур, от простых рыцарей до герцогов, но все один за другим падают под тяжелыми ударами двуручного меча Ричарда!

ISBN 978-5-699-42249-4

© Орловский Г. Ю., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	61
Глава 11	66
Глава 12	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – конунг

*Христианами становятся, а не рождаются.
Тертуллиан (ок. 160 – после 220 гг.)*

Часть 1

Глава 1

На меня смотрели требовательно и с ожиданием, как мои лорды, так и кардинал с прелатами. Я медленно разжал кулаки, сердце барабанит по ребрам, но сдержался и мазнул взглядом по внимательным лицам гостей из Ватикана, эти ждут чего-то поумнее, чем разъяренный вопль уязвленного феодала.

Я перевел дыхание, заставил мышцы лица перестроить гримасу ярости в примирительную улыбку.

– Оскорбление? Я не вижу никакого оскорбления.

Рыцари зашумели, послышалось злое сопение и бряцание клинков. Граф Ришар, выражая общее мнение армландцев, напомнил гневно:

– Король Кейдан пожаловал вам оскорбительно малый титул!.. И землю... какую? Это не оскорбление?

Я покачал головой.

– Нет. Давайте отнесемся к этому скромному дару со всем христианским пониманием.

Сэр Растер прорычал:

– А что тут понимать?

– Каждый дает столько, – ответил я и улыбнулся как можно более кротко, – сколько может. Зачем гневаться? Можно только пожалеть такого короля.

Я улыбался, хотя внутри кипит от злости, хлопнул по плечу Растера, толкнул барона Альбрехта, и на лицах одного-двух рассерженных лордов начали проступать проблески понимания. Любой дар при нужной изворотливости можно повернуть против дарителя. Кейдан теперь сам выглядит оплеванным, любой властелин прежде всего восхваляется соратниками, подданными и бардами за щедрые дары. Скупость всегда выглядит отвратительной, но особенно порицаема, если в ней замечены венценосные особы.

Кардинал неожиданно улыбнулся, поднялся, все такой же худой и тщедушный, но теперь в нем ощутимо величие, в каждом движении проступает сила, которую я раньше не замечал. Прелаты торопливо воздели себя вослед за его высокопреосвященством.

Кардинал сказал мягко:

– Не провожайте нас, сэр Ричард. Отец Дитрих?

– Почту за честь, – ответил отец Дитрих.

Габриэль Хорст, высокий и такой же худой, как и кардинал, чуть ли не впервые выпрямил спину, взгляд прям и честен, а в лице нет хитрости.

– У вас своих забот хватает, – пояснил он без особой надобности. – А мы... мы тоже путешествуем быстро.

Он чуть улыбнулся, давая понять, что знает о моем Зайчике больше меня самого, кивнул и вышел вслед за кардиналом и отцом Раймоном.

Мои разъяренные лорды даже не заметили исчезновения проклятых ватиканцев, что отравляли жизнь все это время. Только барон Альбрехт сдержан, даже улыбается, но благородный человек не выказывает низменных чувств, если может их удержать.

Я сказал успокаивающе:

– Друзья, прошу всех сесть. От великого до смешного, как вы знаете, один шаг, но от смешного уже нет пути к великому. Так что король Кейдан...

Сэр Растер сказал грубое слово, но, к счастью, дам вблизи нет, а барон Альбрехт спросил настойчиво:

– Но как-то отреагировать надо?

Я кивнул.

– Прямо здесь решим, как реагировать. Я предлагаю просто не обращать внимания.

Усаживались с неохотой, стоя легче выкрикивать угрозы в адрес короля. Звякает железо, граф Ришар снова заговорил первым, голос его звучал все еще с гневом, но теперь я услышал и тревогу:

– А не потому ли Его Величество решил пожаловать вам такой оскорбительно малый титул, что узнал про гауграфа?

Рыцари зашумели, заговорили кто растерянно, кто с ожесточением, постепенно всех перекрыл негодующий голос сэра Ульриха:

– ...а что не так с гауграфом? Возможно, благородный и достопочтеннейший сэр Ришар не знает, нам не подарили, мы силой захватили самый неприступный замок в королевстве Турнедо! Я сам вел крохотный отряд рыцарей через чужое королевство, рискуя каждую минуту быть замеченным. Это подвиг, о котором еще сложат баллады!.. Титул гауграфа – это вынужденное признание враждебным нам королем права владения вырванным из его королевства клочком земли!.. Все ли понимают, что сэр Ричард захватил земли чужого королевства?

Он разошелся не на шутку, глаза сверкают, лицо налилось кровью, я никогда не видел всегда сдержанного сэра Ульриха таким возбужденным.

Рыцари слушали, утихомиривались, наконец граф Ришар сказал угрюмо:

– Доблестный сэр Ульрих, никто не сомневается, титул получен без ущерба для чести Армландии, для всего нашего крестоносного воинства и лично сэра Ричарда. Но возникает вопрос, как сумел Его Величество сразу узнать такие подробности и моментально принять решение... Отряд под рукой благородного сэра Клавдия – Господь, прими его душу с миром, – прибыл совсем недавно!

– ...и как гонец оказался здесь так быстро, – добавил сэр Паладий до жути трезвым голосом.

– Это тоже, – согласился барон Альбрехт.

Я поднялся, похлопал ладонью по столу.

– Благородные лорды, успокойтесь! Если уж быть точными, нас многое оскорбляет в этой жизни, но на одни вещи оскорбляемся, другие игнорируем. Иначе будет не жизнь, а сплошной ад. Отнеситесь к этому дару короля как к пролетевшей над головой птичке, что накакала вам на шляпу. Поморщились и продолжаем заниматься своими делами дальше.

Граф Ришар поинтересовался:

– Значит, не ринетесь обустроивать Землю Дьявола?

Я посмотрел в упор.

– Граф, вы меня удивляете.

Он усмехнулся.

– Это была шутка, сэр Ричард.

Сэр Растер прогудел по-медвежьи мощно и раскатисто:

– А что?.. Лучший ответ – оставить без ответа. Пренебречь.

– А объяснить всем, – сказал барон Альбрехт, – что заботимся о репутации Его Величества. Когда ему случается брякнуть какую-то глупость, как вот в этот раз, деликатно делаем вид, что не слышали вовсе.

Сэр Альвар развеселился, хохотнул:

– Хитрый вы жук, сэр Альбрехт!.. Так все повернуть!

Барон кивком указал в мою сторону:

– Никто сэра Ричарда не пережучит. Это такой жук, жучище, даже жучара, всем жукам жук...

Я сказал властно:

– Обстоятельства переменились, дорогие друзья. Пусть там Зайчика пока расседлают. И Бобику передадут мои извинения. Граф Ришар уже намекал достаточно настойчиво, что перед отправкой в Гандерсгейм нужно кое в чем подстраховаться. Все-таки Его Величество может нагрязнуть весьма неожиданно, а это создает добавочные трудности...

– Особенно, – прогудел Растер обеспокоенно, – если будете в Гандерсгейме.

– И все там будем, – трезво сказал Ульрих.

– Тогда сделаем так, – сказал я. – Все пока свободны. Не в смысле свободны творить всякие непотребства, а от меня пока свободны, но работу все равно спрошу! После обеда встретимся в главном зале. Я оглашу задачи текущего дня.

Они торопливо расступились, почтительно кланяясь, я двинулся к выходу твердыми шагами. Ляжки подрагивают от желания пуститься бегом, но я заставил себя идти властно и степенно.

Лорды начали покидать стены этого гостевого домика, когда я был уже на полпути к главному зданию.

Солнце в небе высоко, хоть и не в зените, но еще утро, а я уже с луком за плечами, арбалетом в мешке и в дорожной одежде, дурак, мечтал немедленно покинуть столицу, где так достали эти папские легаты, и умчаться в Гандерсгейм...

Дорожки в саду еще в тени, но широкие мраморные ступени дворца полыхают небесным огнем, неистово сверкают колонны, и только в глубине портика лежит еще почти ночная тень.

Передо мной двери распахиваются словно сами по себе, это у стражей отработано до автоматизма, ни одного лишнего движения, потому их и не замечаем, и только во внутренних покоях, где залы переходят один в другой широкими арками без всяких дверей, почти нет стражей, а только видно изредка проскальзывающих, как тени, шустрых слуг.

Со стен высокомерно смотрят мордатые короли, в нишах мраморные фигуры закованных в латы рыцарей. Только у входа две бронзовые статуи воинов в древних доспехах выбиваются из художественного образа, да еще у обоих в руках копьё больше похожи на пики простолоудинов...

Я шел быстро, но чуткие уши уловили озабоченный голос за ближайшим углом:

– А его светлость сегодня гневен...

– Да не гневен, – возразил другой голос, – это он так озабочен. Это лорд Ришар гневен, когда вот так брови, а когда сэр Ричард в гневе, то у него желваки сразу, как грецкие орехи размером!.. И пальцы стискивает.

Я сбавил шаг, потом остановился. Судя по голосам, разговаривают дворцовые стражи. С одной стороны – подслушивать нехорошо, но с другой – подслушивают бабки-сплетницы, а государственные мужи собирают полезную информацию.

– Да, – согласился третий голос, – я видел, пальцы аж белеют, когда вот так давит подлокотники.

– И я видел. Вот-вот дерево покрошится...

– А еще он губы стискивает, – поделился информацией первый голос. – Не слишком, но у него губы, как у младенца, а когда стискивает, то уже как у старца – прямые и бескровные...

Господи, мелькнула мысль, неужто я так легко читаем? А ведь стараюсь, слежу за своим рывком и телом. Ни глазом не моргну, ни пальцем не двину, но все-таки видят меня насквозь, опытные гады. Слишком уж распустился в бесхитроном и прямодушном мире Армландии.

– Зато, – продолжал рассудительный голос, – когда доволен, глаза сияют. Его Величество раньше в таких случаях наклонял голову или приспускал ресницы, а потом научился смотреть так, что по нему ничего никогда не поймешь...

– А скажите, – спросил третий голос суетливо, – а когда у сэра Ричарда раздуваются ноздри, это к добру или к худу?.. Я вот никак не пойму! Иногда так, другой раз эдак...

– Это заинтересованность, – предположил первый. – Голову даю на отрез! А к добру или худу... все зависит...

Я отошел на пару шагов назад, затопал на месте, голоса сразу умолкли, я прошел мимо застывших часовых, морды каменные, глаза выпучены, во всем облике зверское рвение тащить и не пущать.

Барон Торрекс Эйц, начальник дворцовой стражи, откозырял красиво и почтительно, на лице готовность выполнить любой приказ, я улыбнулся вельможю и продолжил путь к своему кабинету. Из соседнего помещения вышел с хронометрической точностью сэр Жерар Макдугал, угрюмый и молчаливый рыцарь, очень расчетливый в каждом слове и жесте, мой личный секретарь.

– Сэр Жерар, – сказал я в ответ на его поклон, – кардинал уехал, все поют... но теперь вас беру за глотки я!

Он вздрогнул.

– Ой, сэр Ричард! Лучше уж кардиналы...

– Это чего вдруг?

– Они совсем ягнята рядом с вами. У вас такая хватка...

– А вы думали? – возразил я с веселой угрозой. – Все запляшут!.. Меня всего распирает, видите? Столько работы!.. И как накинемся!

На его лице было написано, охотнее бы кинулся в другую сторону, но растянул губы в улыбке и сказал почтительно:

– Да-да, сэр Ричард, а как же! Вот прямо так и накинемся.

– Я сейчас в монастырь, – сказал я.

Он живо перекрестился.

– Славу Господу! Наконец-то...

Я пояснил злобным голосом:

– И не мечтайте! Посмотрю, как начали делать паровой котел... там умники уже ломают головы, как приспособить для откачивания воды из шахт. Еще для камнедробилок...

Он прервал:

– Сэр Ричард, прошу прощения за непомерную дерзость, но как бы вам напомнить со всей почтительностью и не схлопотать, что вы еще и его светлость? Может быть, сами вспомните? А это значит, вам сегодня принимать послов из Турнедо от короля Гиллеберда как бы лично, но неофициально, герцога Ульриха из Ундерлендов, делегацию купцов Тараскона, а также рассмотреть совместную петицию от местных лордов...

Я поморщился, мелькнула трусливая мыслишка переложить на Ришара и прочих военачальников, но это уж слишком, и так передаю чересчур много ключевых дел, такое чревато боком.

– Ладно, – ответил я, – послов, герцога, петицию... да, это должен рассматривать майордом. Но хотя бы делегацию купцов... Эх, этих тоже нельзя. Обидятся. Не просто подданные!

Я их бургграф, не гусь из мясной лавки. Хорошо, организуйте, но только в темпе!.. Как можно быстрее, а саму церемонию покороче, покороче.

Он поклонился.

– Да-да, как можно быстрее, но не слишком. Это покажет им, что на ваших плечах много не менее важных дел, это вы хорошо придумали. Правда, нужно точно высчитать время, чтобы не было умаления их достоинства...

– Ну да, – согласился я кисло, – следи за балансом.

Он раскрыл передо мной дверь, опередив лакея, я вошел с поднятой головой, скоро разучусь сам это делать, за мной негромко стукнуло.

На столе кипа бумаг, словно у клерка. У крупного деятеля поверхность стола должна была чиста, даже чернильницу подаст слуга, когда она вдруг зачем-то понадобится.

Выбиваюсь из образа, мелькнула мысль, в работе крупного политика не должно быть мелочей.

Едва я рухнул в кресло, дверь приоткрылась, в щелочку проскользнул, как самый робкий из чучундр, Куно, шляпа в откинутой наотмашь руке, заискивающе улыбнулся.

– Ваша светлость...

– Куно, – сказал я с досадой, – не переигрывай. Ты же сам явился и предложил свои услуги! Для такого поступка нужны не только ум и умение ориентироваться в ситуации, но и отвага. А сейчас зайчиком прикидываешься!

Он сдержанно улыбнулся.

– Зато у меня нет врагов, ваша светлость. Даже завистники не очень... уверены, стоит ли мне завидовать.

– Стоит ли? – спросил я. – Ладно, дело твое. Но учти, я тебя насквозь вижу. Давай, что там с рудниками? Кстати, мне принадлежат богатейшие рудники в королевстве Шателлен. Я так и не добрался до них, но сейчас самое время напомнить, что это мое-мое-мое... видишь, какой я загребущий?

Он сдержанно улыбнулся.

– Что-то мне кажется, будь там рудники по добыче золота, вы бы не так загребывали...

– Спасибо, – сказал я. – Наверное, шутишь, но мне в самом деле железо дороже. Если, конечно, много и недорого. Не забудь подобрать толкового человека, пошлешь управителем.

Он спросил опасливо:

– А они в самом деле ваши?

– Точно, – заверил я. – Местный лорд был счастлив, что я предпочел рудники, а не принцессу. Теперь, наверняка, жалеет, но благородный человек от слова не отступится.

Он посмотрел на меня с недоверием.

– У него был выбор: принцессу или рудник?

– Представь себе.

– И он выбрал принцессу?

Я кивнул.

– Да, вот такой чудак.

– Это вообще сумасшедший, – сказал он с убеждением. – Как можно! Цена рудника только растет, а вот принцесса с каждым годом... гм... как бы сказать поделикатнее...

Я великодушно отмахнулся.

– Не надо. Мы в таких делах понимаем друг друга с полуслова.

Он спросил тихонько:

– Он на ней еще и женился?

Я с удовлетворением потер руки.

– Ну как, ловкий я гад?

Он покачал головой.

– Где такие непуганные королевства? Эх, мне бы туда... Я с вами играть не сяду. Кстати, а что предпримете насчет пожалования вам рауграфа?

Я посмотрел на него с высокомерным удивлением.

– Я? Предприму?

– Ну... да...

– А я должен?

Он развел руками.

– Согласно дипломатическому протоколу отреагировать как-то надо.

– Составьте ответ, – велел я, – в самых витиеватых выражениях со словами благодарности и признательности. Постройте фразы так, чтобы никто не мог придаться и усмотреть неуважение или неблагодарность. Пусть все будет на высшем уровне! Копию наверняка отошлют императору. А сами пусть поломают голову, что это могло бы означать... А я займусь тем, чем и собирался. Помимо похода в Гандерсгейм отремонтирую порт, дострою башни у входа в бухту, а там рукой подать до закладки флота океанских кораблей... Если Кейдан ждет, что ринусь благоустроить Землю Дьявола, что ж, пусть ждет, мне ничуть не жалко.

Куно покачал головой.

– Возможно, как раз ждет взрыва возмущения. Вообще-то вы должны, как считают все рыцари, отказаться в самых резких выражениях.

Я вскинул брови и посмотрел на него, как дитя на скелет.

– От великого, – напомнил я, – до смешного один шаг. Когда император пожаловал меня титулом маркграфа, это одно, но когда вслед за ним Кейдан, как созданная дьяволом в подражание Господу обезьяна, присваивает мне титул рауграфа... это уже нелепо. И не стоит гневаться благородным лордам. Гневаются на равных, а над клоунами смеются. Потому посмеялись и... снова вернемся к нашим баранам. Я имею в виду наши проблемы и заботы.

Он смотрел сосредоточенно, все схватывает на лету, анализирует, чтобы тут же деликатно возразить, если нужно, прокомментировать или выразить восторг, что мне нравится, конечно, больше.

– Что-то еще? – спросил я.

Он поклонился.

– Да, совсем уж мелочь... Поступили сведения о проведенной вчера черной мессе... Я постарался выяснить через челядь, чем там занимались на самом деле...

– ...И?

– Я бы не сказал, – произнес он осторожно, – что это заговорщики. Скорее, глупая бравада. Показывают, что новую власть вот нишкелечки не боятся. Это не еретики, а просто дураки. Молодые дураки, что совсем понятно.

Я спросил рассерженно:

– Что вы хотите сказать? Можно обойтись простой поркой?

Куно с неловкостью развел руками.

– Если бы можно было так! Но это отпрыски слишком знатных семейств. Их пороть нельзя.

– А казнить?

Он ответил со вздохом:

– Казнить можно. Но только позолоченным мечом.

– А топором?

– Оскорбите все рыцарство, – предупредил он. – Топором лишают головы только за мелкие проступки.

– Хорошо, – сказал я нетерпеливо. – Если это для них так важно, то пусть палач даже целует каждого в зад, перед тем как срубить голову. Я прагматик. Оставим это дело местной полиции, наши лорды руководят ею неплохо и с рвением. А нам надо заниматься важными

вопросами... Кстати, Куно, деликатная ситуация. Возвращается король, я не буду гневаться, если перебежишь к нему. Но хотелось бы, чтоб предупредил заранее.

Он помялся, вздохнул.

– Ваша светлость, не примите за лесть, хотя очень похоже... но при Его Величестве никогда не было такого строительства, такого движения в королевстве! Мне с вами работать не просто нравится больше, а я... счастлив. У вас размах, дерзость, проекты... Вы взяли за строительство большого порта, впервые за всю историю королевства взяли! Такое осуществить невероятно трудно, но я почему-то уверен, у вас получится. Даже несмотря на тот печальный пиратский рейд... Мне нравится моя нынешняя работа, ваша светлость! А с вами у меня столько дел, на небо взглянуть некогда.

– Трудоголик, – сказал я с удовлетворением. – Побольше бы таких чокнутых.

– Спасибо, ваша светлость...

Я милостиво наклонил голову.

– Хорошо, действуй в том же направлении. Я скоро отбуду в Гандерсгейм, не к кому будет бегать за разрешениями. Понял? Сам себе разрешать будешь. И запрещать тоже.

Он даже вздрогнул, глаза расширились.

– А граф Ришар?

– Он и поведет войска в Гандерсгейм, – сообщил я. – Это специализация графа – уметь вести крупные массы войск даже туда, куда идти не хотят. А я – майордом! На моей шее не только Гандерсгейм.

Он поклонился.

– Все понял, ваша светлость.

– Кстати, – сказал я, – чуть не забыл... объяви мой новый указ... или повеление. Словом, сам придумай, как это подать. Я изволю собрать все разряженные амулеты, которые обычно выбрасывают за ненадобностью, дабы классифицировать и занести в реестр. А то и в регистр. Объяви за это денежную награду, а то бесплатно никто ради Отечества и пальцем не шелохнет. Небольшую, конечно. Ровно столько, чтобы человек не выбросил, а все-таки принес и сдал.

Он поклонился, пряча настороженный блеск глаз.

– Будет сделано. Вы сами будете... классифицировать?

Я удивился:

– А ты на что?

– Я?

– У тебя помощников не хватает? – спросил я. – Так заведи еще.

– Хорошо, – ответил он. – Будет сделано.

– Иди, – разрешил я. – Вижу, руки чешутся что-то ломать.

Он отступил к двери.

– Сэр Ричард, я счастлив, что служу именно вам.

– Это у тебя такая шуточка? Ну, Куно, наконец-то обживаешься.

Когда за ним закрылась дверь, я довольно потер руки. Все-таки Куно своим искусным подхалимажем поднял настроение. Одно дело, когда тебя признают отважным, другое – умным. Пусть даже хитрым. Все равно приятно.

Но надо будет придумать насчет амулетов объяснение получше. Куно не дурак, да и остальные, зная меня как ревностного крестоносца, не поймут внезапный интерес к языческим штучкам.

Это потом, когда христианство разгромило язычество целиком и полностью, сами католические священники начали собирать остатки примитивных культур, записывать легенды, охранять от уничтожения последние уцелевшие храмы, куда уже никто не ходил. Но сейчас, когда до разгрома далеко, могут заподозрить в тайных связях с Врагом...

Глава 2

Укорачивающаяся свеча похожа на рукоять, откуда торчит узкий оранжевый клинок, длинный и настолько острый в верхней части, что края просто исчезают из видимости. Свет почти солнечный, такой же теплый и оранжевый, перо искрится в нем, словно покрыто мельчайшими алмазиками, свет падает на лист бумаги привычно слева, я скрипел пером по ней быстро, в конце привычно посыпал мелким песком и, не сворачивая, протянул Жерару.

Он принял с поклоном, брови взлетели в вопросительном жесте.

– Передайте Куно, – велел я.

– Будет сделано, ваша светлость, – ответил он с новым поклоном.

– А затем с его подписью, – добавил я, – галопом в Тараскон!

Он спросил недовольно:

– А без его подписи нельзя?

– А это, – объяснил я, – чтоб и он отвечал за стройку. Сэр Жерар, не ревнуйте! Короли обычно стараются сосредоточить всю власть в своих руках, за что обычно и платятся головами, но я мудер и щедр! Позволяю пахать и пахать, чтоб морда в мыле, зато вы все при деле, не до фронды.

Он подумал, сказал с сомнением:

– Вам виднее, ваша светлость...

Он отступил за дверь, а я подумал, что многие склонны путать два понятия: «Отечество» и «Ваше светлость». А уж когда доходит до «Вашего Величества», так ваще... Впрочем, все правильно, и крылатая фраза «Государство – это я» кажется курьезом только тем, кто жил при других формациях.

А так все верно, государство – это я, так считают все мои феодалы, воины и даже простолюдины. Особенно этой идеи придерживается рыцарство. Оно связано со мной клятвой верности и ревниво следит, чтобы нигде не было умаления моей чести и достоинства, потому что это умаление чести Армландии, армландскости и вообще всего нашего воинства.

Ревниво блюдут мои интересы даже там, где я сам не вижу умаления их достоинства. Мы равны, как я постоянно подчеркиваю, мы же рыцари, мы одна семья, они с этим радостно соглашаются, хотя деликатно напоминают, что даже в самой дружной и лучшей семье кто-то из братьев обязательно старший, но сейчас вот сходятся в главный зал, чтобы выстроиться вдоль прохода и продемонстрировать всем прочим смиренным видом, насколько я силен, велик и ужасен. Вот уж действительно, короля играет свита.

Бумаг куча, пересмотрел только часть, снова появился Жерар, во взгляде укоризна.

– Ваша светлость, обед подан.

– Тащи сюда, – велел я.

Он не сдвинулся с места, надменный и величавый, только выше вздернул подбородок.

– Ваша светлость?

– Что не так? – спросил я.

– Обед, – напомнил он. – Вы желаете обедать в одиночестве?

– Ну да, – сказал я нервно, – изволю. А чё? Пожрать по-быстрому, вон сколько дел! Могу слюнявчик повязать, чтобы циркуляры не испачкать.

Он не сводил с меня укоризненного взгляда.

– Ваша светлость... это может быть истолковано...

– Как?

Он повел плечами.

– Не так.

– А как?

Он снова пожал плечами.

– Не так, как нужно. Обедать необходимо со своими людьми. Муж обедает с женой и детьми, а лорд с соратниками. Так не просто принято. Так... нужно.

Я поморщился.

– Да знаю-знаю. Обед – тоже работа. Хорошо, вели подавать в малый зал.

Он наклонил голову.

– Уже подают.

За длинным королевским столом сидят и чинно ведут беседы лорды из моего ближайшего окружения, что весьма зыбкое по границам. Как будто бы и не ждут, когда же наконец подадут горячее, чтоб начать обжираловку.

При моем появлении встали, слуги тут же начали заносить блюда. Сэр Альвар повертел головой и сказал озабоченно:

– Ох, сэр Ричард...

– Что случилось? – спросил я.

– А где же леди Розамунда?

Я поинтересовался недовольно:

– А что, она член военного совета?.. Да вы ешьте-ешьте!

Он беспомощно развел руками.

– Нет, но мы как-то ожидали... Прекрасная и благородная леди, это же такое украшение... И все лорды не против, еще как не против...

Я опустил в свое венценосное кресло, на меня смотрят в ожидании мудрых слов и поступков, я указал слугам, что мне положить, а что убрать, сердито покачал головой.

– Нет. Эту красивую декорацию используем только для приемов. Чтоб не затрепалась. Еще можно на больших пирах-зрелищах, а сейчас зачем? Мы в тесном кругу единомышленников.

По лицам жующих лордов видно, что еще как бы зачем, но смолчали, только Альвар проронил:

– Даже обычный обед в присутствии красивой женщины превращается в пир.

– Благородные мужчины, – возразил я, – все равно, что красивые женщины. Удовольствуемся этим!

– Не родись красивой, – бухнул сэр Растер, – а родись мужчиной! Сэр Ричард прав, женщины даже пить не умеют. Что им за нашим столом делать? Только хихикать?

– Так это же замечательно, – сказал сэр Альвар с энтузиазмом. – А то все такие серьезные... Кстати, с герцогом Ульрихом прибыла его жена, благородная леди Кларенсия. Надеюсь, леди Розамунда сумеет достойно принять благородную герцогиню. Сэр Ричард умно поступил, избрав самую красивую женщину себе в... гм... спутницы.

Граф Ришар сказал с некоторым сомнением:

– Но леди Розамунда не жена сэру Ричарду, в то время как леди Кларенсия...

Жерар прервал с самым почтительным поклоном:

– Благороднейший сэр Ришар, осмелюсь напомнить, леди Розамунда происходит из знатнейшего и древнейшего рода Меровингов! Даже у Его Величества Кейдана, не говоря уже о герцоге Ульрихе, нет таких знатных предков.

Граф Ришар кивнул.

– Я тоже надеюсь, знатная родословная смягчит известие, что она не жена сэру Ричарду.

Я помалкивал, пусть сражаются и выясняют всякое такое поверх моей головы. Дальше обед проходил в молчании, когда слышится только треск раскальваемых на зубах костей, да сэр Растер мощно колотил берцовой костью о край стола, выбивая костный мозг, потом плескалось вино в кубках и чашах, все по ритуалу...

Сэр Растер наклонился ко мне и рыкнул тихонько:

– А сами вы что думаете, сэр Ричард?

– Как поставить паровой котел, – ответил я кротко, вставая.

Он посмотрел оторопело и на всякий случай отодвинулся вместе с креслом. Сам он расположился за столом, как в осажденной крепости, которую никогда не сдаст, но рыцари поднялись следом за мной, и он неохотно встал, хотя еще не все выпито, а это как бы и не сидели вовсе.

– Государство зовет, – сказал я со вздохом. – Все в приемный зал, будете играть короля...

– Короля? – переспросил барон Альбрехт.

– Мою светлость, – поправился я нехотя. – Что с вашим чувством юмора, барон? Короля играет свита! Поясняю, чем у вас серьезнее лица, тем серьезнее принимают мое майордомство. И нашу власть.

Барон Альбрехт по дороге к залу для торжественных приемов выглянул в окно, присвистнул.

– Поглядите-ка... Герцог Ундерлендов Ульрих никак уже прибыл? Это же его свита въезжает во двор?

Альвар Зольмс посмотрел через его плечо, охнул.

– А кто эта красотка рядом с ним?

– Жена, – ответил барон.

– Да быть такого не может! Сэр Ричард, взгляните?

Из окна видно, как из коляски перед парадным входом дворца легко выпорхнула очаровательная женщина, настолько легкая и по-детски живая, что я пробормотал:

– В самом деле жена? Что-то молодая слишком... Эликсир молодости отыскала?

Барон Альбрехт удивился:

– Какой эликсир? Что-то вы, сэр Ричард, просто помешаны на всякой чертовщине!

Я покосился на него с неудовольствием.

– Я помешан?

– Ну да, – сказал он с укором, – чего вдруг везде искать козни чернокожижников? А то скоро и нас потащите на костры. Просто это уже третья жена его светлости.

– Развелся?

Он посмотрел с удивлением.

– Что?.. Как это?.. Просто первая жена обладала своенравным характером и настояла, чтобы муж брал ее с собой на охоту. Герцог был молод и согласился. На первой же охоте ее конь понес, молодая герцогиня выпала из седла и убилась головой о дерево. Он горевал долго, но время шло, женился на благородной леди из рода Керовингов. У нее характер оказался тоже не сахар: однажды во время длительной отлучки мужа пошла, заскучав, купаться на озеро, взяв с собой всего двух служанок. Эти дуры вообще не умели плавать, и когда леди, заплыв на середину озера, вдруг начала барахтаться и кричать, только бегали по берегу и вопили... Потом ввали, что их госпожу утащило подводное чудовище.

Я сказал с сочувствием:

– Да, не повезло герцогу...

– Это как сказать, – заметил Альвар. – Молодая жена лучше старой, ха-ха!.. И красивая.

– Повезло, – возразил Альбрехт, – или не повезло, пока сказать трудно. Эта красавица... гм... просто огонь. Сидела бы дома, но настояла, чтобы взял с собой.

– Значит, – рассудил я, – герцог сам предпочитает женщин, а не баб. Хотя с женщинами управляться труднее, зато...

Граф Ришар молча наблюдал за гарцующим на коне бравым герцогом, на лице проступило озабоченное выражение.

– Сэр Ричард, – бросил он вполголоса, – знает, что говорит.

– Да-да, – согласился Альбрехт лицемерно кротко, – потому даже леди Розамунду держит на дистанции.

– Служанки проще, – согласился Альвар. – А что у них наравне с конюхами... то сэр Ричард на это внимания не обращает.

Я нахмурился, шуточки задевают, но стараюсь улыбаться беспечно и великодушно.

– Сен-Мари побольше Ундерлендов, дорогие друзья. А в чем, сэр Альвар, видите разницу между леди и служанкой, просто не понимаю. Их оборки на платьях сравниваете? А если платья снять, отличия отыщете?

Рыцари ржали, сэр Альвар хмурился, ответил с достоинством:

– Благородная леди может усладить благородной беседой...

Я ответил грубо и по-солдатски под дружный хохот:

– Я в постель к ним прыгаю не беседовать!.. Ладно, хватит. Понимаю, мне самому интереснее торчать у окна... но кому-то и государствовать надо?

Они затопали вслед, сытые и довольные, как кони. Я шел через залы и держал на лице довольную улыбку, я же теперь не столько человек, как олицетворение правления, посматривал на кланяющихся с довольной улыбкой. Все кажутся веселыми и одинаковыми, но даже вот сейчас могу сказать, что партия немедленного вторжения в Ундерленды держится несколько отдельно, партия конкисты на Юг – отдельно, а еще здесь присутствует и довольно сплоченная партия сторонников короля. Одни из-за вассальной преданности, другие страшатся лишиться вольностей, тяжесть моей длани уже ощутили...

До чего же раньше все было легче и проще! Существовала только одна партия: преданных мне лично, остальные – присоединившиеся, да и те постепенно пополняли эту единственную партию.

И все эти группы руководствуются чувствами, и ни одна – умом. Глупо вторгаться в Ундерленды, король вот-вот сам придет в Геннегау, еще глупее кричать насчет крестового похода на Юг, через океан вплавь? Разве что сторонников Кейдана понять можно, это самые осторожные и тщательно продумывающие каждый шаг. Но даже они глупят: ясно же, что власть уже не выпущу. И подлизываться правильнее к новому правителю. Дураки, даже это понимают не все.

В зале для приемов пахнет горячим воском, женскими притираниями, мужским потом, что почти неотличим от конского, народу чуть ли не битком. Впереди пошли сэр Жерар и двое пышно одетых стражей, парни из Армландии, надежные и преданные, можно сказать – влюбленные в своего майордома, образовался достаточно широкий проход.

Мужчины сорвали шляпы и склонили головы, женщины мило присели в позе покорности.

Когда я подходил к невысокому помосту, где два кресла с высокими спинками, из двери, что за на этой стороне, вышла блистающая леди Розамунда, прекрасная, сверкающая белозубой улыбкой и жемчужинами, что и на ее графской короне, и вплетены в волосы, и осыпают платье от воротника до низа подола.

Мужчины ее встретили восторженным гулом, женщины кислыми улыбками и завистливыми взглядами. Блистательная и гордая, с гибким станом, она грациозно поднялась по двум ступенькам со своей стороны, я прошел прямо к моему креслу, сел одновременно, одарив подданных милостивыми улыбками.

Леди Розамунда продолжала улыбаться красиво и победно, а я воссел на трон, руки на подлокотниках, и уставился прямо перед собой, как египетский фараон. Спину приходится держать неестественно прямо, как и взгляд, никто ничего не должен прочесть на моем лице, а то такое прочтут...

– Ваша светлость, сэр Ричард, послы из Турнедо!

Отворились широкие парадные двери, загремели трубы. В зал вошли двое вельмож, оба красивые, осанистые и величественные, всем видом выказывая довольство – прибыли из страны богатой и могущественной, заулыбались почтительно и приветливо.

Церемониймейстер провозгласил громко:

– Лорд Кьюрдик, граф Йорпекский, полномочный посол Его Величества короля Гиллеберда, и граф Гердер, его поверенный в делах, к его светлости майордому сэру Ричарду!

Лорд Кьюрдик первым сорвал с головы шляпу и, красиво взмахнув ею, словно разгонял запахи, ловко преклонил колено и сам склонился, глядя в пол. Граф Гердер чуть-чуть замешкался, всматриваясь в меня намного внимательнее, чем коллега, но тоже склонился в таком же поклоне.

– Добро пожаловать, – сказал я, стараясь не двигать лицом, но держать его неизменно слегка приветливым, – в королевство Сен-Мари. Вам будет оказан самый радушный прием, предоставлены лучшие покои, как самым дорогим гостям.

Сэр Кьюрдик поклонился, бросил быстрый взгляд на блистательную женщину рядом со мной.

– Мы растроганы, ваша светлость...

– Уверен, – закончил я, – ваши усилия в переговорах приведут к взаимовыгодному сотрудничеству и скрепят наш все крепнувший и крепнувший союз.

Оба слушают внимательно, я видел, как блестят их глаза, схватывая цепко любое мое движение, как запоминают интонации, жесты, выражение лица, движение губ и бровей и хотя периодически кланяются, но не упускают ни единого нюанса из сказанного и увиденного.

– Если понадобится уточнить какие-то детали, – закончил я заранее заготовленной фразой, – мы готовы обсудить их в приватной беседе.

Выслушав, граф Кьюрдик сказал с поклоном:

– Ваша светлость, сэр Ричард...

Я сделал небрежное движение пальцами, они с опущенными головами пятились до самой двери, я ждал, что хотя бы там синхронно повернутся и выйдут, но в такой сверхпочтительной позе, что должно бы мне льстить безмерно, и переступили порог.

Стражи молча сомкнули обе половинки двери, отрезая предбанник от нашего торжественно-праздничного сборища.

Церемониймейстер объявил громко:

– Сэр Гаргвик, владетельный лорд поместья Шелдонка, барон Яренгейта, Елаубинга и Кровавой Долины!

Я не моргнул и глазом, хотя сразу вспомнил это имя среди тех, кто поддержал герцога Джонатана Меерлинга, ныне заключенного под стражу.

Мои лорды заговорили между собой, голоса грозные, обрекающие, а те, что стоят от меня справа и слева, еще и засопели, как драконы, готовые изрыгнуть огонь.

Двери распахнулись, из зала ожидающих вошли, согнувшись, двое пышно одетых дюжих слуг, в руках тяжелый сундук. Кого боятся, тому приносят дары, чтобы задобрить более сильного и свирепого, знаем, проходили.

За ними топает с самым смиренным видом невысокий плотный мужчина в скромном камзоле, потертых штанах и видавших виды сапогах. На почтительном расстоянии от трона он преклонил колено, слуги откинули крышку сундука и отступили на шаг со склоненными головами.

Мои рыцари вытягивали шеи, по рядам прокатился завистливый вздох. По самую крышку сундук наполнен золотыми монетами, драгоценными перстнями с камешками, золотыми кубками, торчит край полусасыпанного подноса, естественно, золотого и украшенного дивной росписью.

Леди Розамунда прошептала восторженно:

– Какая красота!.. Я таких еще не видела.

Я сделал вид, что даже не услышал, нечего меня подталкивать к тому или иному выводу, женщинам не место среди лиц, принимающих решения.

Поймав мой взгляд, сэра Гаргвик произнес смиренно:

– Мой дар майордому сэру Ричарду с заверениями в полнейшей покорности и готовности выполнить любое повеление!

Я помолчал, давая всем время насладиться моментом, затем сказал громко:

– Спасибо, сэра Гаргвик, за щедрый дар. Я ценю его по достоинству. Принимаю вашу клятву верности. В свою очередь обещаю защищать ваши владения, ваши интересы и вашу честь. А мое повеление таково: возвращайтесь в свои владения и постарайтесь, чтобы ваши подданные жили счастливо, в довольстве, чтобы крестьяне собирали обильный урожай, а овцы давали хороший приплод!

Сэра Гаргвик поклонился и с чувством явного облегчения отступил. Мои слуги подхватили сундук с дарами и унесли, но за ними пошел один из помощников сэра Жерара.

Я был доволен своей речью, пока не услышал, как барон Альбрехт пробормотал задумчиво:

– Чтоб овцы давали двойной приплод... Что наш сюзерен имел в виду?

Растер наклонился к его уху и что-то сказал, после чего грубо заржал, на лицах других рыцарей появились улыбки.

Я метнул сердитый взгляд, мало ли их сюзерен оговорился, я же стараюсь сделать речь образнее и цветистее, чтобы они хоть что-то да поняли, так что не фигу ловить на слове.

– Леди Беренгентия, урожденная Клауноская с просьбой к его светлости!

Вперед вышла, обеими руками придерживая с двух сторон подол платья, молодая девушка с чистым трогательным личиком обиженного ребенка, пухлыми губами и невинным взглядом.

Мои рыцари сразу оживились, задвигались, выпрямляя спины и раздвигая плечи. Кое-кто подкрутил усы, Альвар Зольмс выпятил грудь, а Палант громко вздохнул, только улыбка леди Розамунды стала чуть напряженнее.

Леди Беренгентия присела в поклоне и осталась так в ожидании. Я оценивающе посмотрел в ее низкий вырез платья, этого все от меня ждут, я должен быть предсказуемым в определенных пределах, подобное действует успокаивающе на подданных, к тому же леди Беренгентия ощутила себя увереннее, не зря же старалась сделать декольте пошире и глубже.

Я тихонько поинтересовался у сэра Жерара:

– Это кто?

Он не стал повторять, кто она, сказал на ухо горячим шепотом, все равно леди Розамунда слушает очень внимательно и ревниво:

– Ее опекун очень уж вольно обращается с ее владениями. Так говорят во дворце.

– А на самом деле?

Он метнул взгляд на леди Розамунду, пожал плечами.

– Вообще-то, если честно, я не увидел особых нарушений. Там все было до его опекунства так запущено и загажено, что я бы сам сперва что-то почистил, от чего-то избавился, одних бы выгнал в шею, других взял...

Я кивнул и заговорил громко:

– Леди Беренгентия! Как я понял, вы сирота, а это у всех вызывает участие. В чем заключается ваша просьба?

Не поднималась, она прошептала:

– Мой опекун тиранит меня.

Я нахмурился, еще раз скользнул якобы внимательным взглядом по нежным округлостям, выпирающим из декольте. Щечки леди сразу же начали медленно розоветь, она подняла

на меня молящий взор, в котором я достаточно отчетливо увидел ее нагую и жаркую в постели, в то же время ощутил, как справа от меня накаляется, продолжая милостиво улыбаться, леди Розамунда.

– Это нехорошо, – сказал я важно и с полнейшим участием в голосе. – Мы во всем разберемся. При посвящении в рыцари все даем клятву защищать Господа, женщин и детей, помогать сиротам. Сегодня же мой секретарь лично займется вашим делом.

Она улыбнулась мне стыдливо и обещающе, поднялась и отступила в ряды придворных.

Сэр Жерар прошептал:

– Да там нечем заниматься...

– Знаю, – ответил я тоже шепотом. – Девушка весьма блудливая и хитренькая, заметили? Скорее всего, хочет поскорее освободиться от опекунов и пуститься во все тяжкие... Оставьте все, как есть.

Леди Розамунда не сумела удержать вздох удовлетворения, а сэр Жерар кивнул.

– Очень мудро, мой лорд!

– Кто там дальше?

– Сэр Парберг, – провозгласил он громко, – барон Авлатьера и земель Иргиндии!

Девять из десяти встреч здесь и заканчивается, я подтверждаю свое доброе отношение, чьи-то права и вольности, большинству лордов этого достаточно, дескать, не начинаю требовать чего еще, но для остальных, как многие это понимают, прием продолжается уже в моем кабинете.

Сэр Жерар следил за ходом приема очень внимательно, руководил очередностью, а когда пошли совсем уж пустяковые дела, провозгласил громко и властно:

– Прием окончен. Остальные дела рассмотрю я сам, прошения и жалобы передайте моим помощникам.

Все склонили головы, а дамы присели, когда я поднялся, величественный и внушительный, вроде бы получается. Мои лорды, играя короля, держатся крайне почтительно, я спустился со ступенек и, обойдя все сооружение с двумя креслами на возвышении, скрылся за дверью позади трона.

Это помещение впятеро меньше, хотя обставлено с достаточной пышностью, я ничего не менял, Кейдан, надо отдать должное, все хорошо продумал. Хотя, конечно, это не его заслуга, так было и до него, просто мало что испортил.

Сэр Жерар вошел следом, в глазах некоторое беспокойство. Оглянулся на закрывшуюся за нами дверь.

Я спросил:

– Что-то тревожит?

Он пожал плечами.

– Нет, но...

– Что-то не нравится?

Он сказал негромко:

– Стоило ли оставлять в тронном зале леди Розамунду?

– А что она может, – спросил я, – кроме как улыбаться?

Он нахмурился.

– Как раз такие меня и беспокоят. Только улыбаться могут, но, простите, мой лорд, они еще и рот открывают...

– Там остались наши друзья, – заверил я. – Думаете, граф Ришар постесняется поправить или возразить, если не то брякнет или не тому улыбнется?... Ладно, не морочьте голову своему сюзеру, сэр Жерар. Запускайте, кто там у нас? Нет, сперва послы от Гиллеберда. По их хитрым мордам видно, у них что-то в кармане.

– И за пазухой, – предостерег он. – Вы сядьте, мой лорд, примите небрежную позу. Нельзя, чтобы видели молодого да раннего, кем вы, без сомнения, и являетесь.

Я поспешно сел, уел меня этот гад, в самом деле иногда туплю и веду себя соответственно возрасту, а не положению.

Сэр Жерар лично распахнул дверь.

Глава 3

Лорд Кьюрдик, граф Иорпекский и полномочный посол Его Величества короля Гиллеберда, вошел уже совсем другой походкой, умен, признаю, прекрасно понимает, одно дело на публике, другое – здесь в привате.

Граф Гердер ориентируется слабее, хотя Кьюрдик явно предупредил, как держаться, кланяется чаще, ждет приглашения, хотя Кьюрдик уже удобно расположился в мягком кресле.

На низком столике широкие блюда с гроздьями винограда, золотые кубки с драгоценными камнями в основании и по всему верхнему ободку. Пить из таких неудобно, зато статусно.

Я тоже в кресле, хоть оно и повыше, а спинка прямее, кивнул на кубки.

– Вина?

Кьюрдик отмахнулся.

– Потом. Сперва дела. Дорогой граф, вы сядете, наконец?

Граф Гердер поспешно плюхнулся в кресло и, чтобы занять себя чем-то, со смущенным видом ухватил обеими руками кубок.

Кьюрдик лишь покосился на него с укором, а мне сказал деловито:

– Нас при отправке в это длинное путешествие заверили насчет самого благоприятного приема, но действительность превзошла наши ожидания.

Я наклонил голову.

– Я доволен.

Его губы пошли в стороны.

– А как мы довольны!

– Его Величество Гиллеберда, – проговорил я медленно и важно, так требует этикет приватного приема, – и меня связывает старая дружба. Он по своему доброму характеру подарил мне прекрасный укрепленный замок по свою сторону границы и прилегающие к нему земли, так что я в какой-то мере и турнедец, ха-ха!..

Они даже не переглянулись, хотя по их мордам прожженных царедворцев вижу, знают, мерзавцы, все нюансы, как я получил тот замок и те земли.

Как только я закончил речь, сэр Гердер сказал с почтительным восторгом:

– Какой мудрый шаг со стороны Его Величества! Наш король всегда отличался великой предусмотрительностью.

Кьюрдик кисло улыбнулся, помощник опередил с громкой похвалой их сюзерену.

– Да-да, – сказал он дежурным голосом, – он эта... мудер.

– Со своей стороны, – сказал я, – в порядке жеста дружбы я даровал право беспопытной торговли всем турнедцам на весьма некое количество лет и зим. Сейчас вот подтверждаю еще раз с великим удовольствием майодома и лорд-протектора. Знаете ли, приятно, оказывается, подтверждать хорошее.

– Восхитительно! – воскликнул Кьюрдик.

– Я тоже так думаю, – сказал я скромно.

– Мы даже по дороге, – продолжил он, – успели увидеть, где нашим товарам будет хороший прием...

– Рад это слышать.

– А еще мы нашли, – продолжал он, – немало местных вещей, что у нас вырвут из рук, как только привезем в Турнедо.

Сэр Гердер, слушавший молча, кашлянул и проговорил чуть другим тоном, несколько выпадая из общего русла:

– Ваша светлость, у Его Величества Гиллеберда Фруассара подрастает дочь...

– Поздравляю, – сказал я.

Он поклонился, взглянул на Кьюрдика. Тот кивнул, лицо стало строгим и деловым.

– Спасибо, ваша светлость. Его Величеству уже поступили предложения из ряда королевств насчет ее замужества. Однако Его Величество пока никому не ответил положительно. Я имею в виду, что рука единственной дочери Его Величества пока свободна.

Я закрыл рот, подумал весьма поспешно, такое предложение для меня новость, это не напасть и захватить, как слышу по сто раз на день, раздвинул губы в довольной улыбке.

– Да? Интересно... Сколько ей лет? Его Величество уже в преклонном возрасте, не слишком ли его дочь... гм... взрослая, ну вы понимаете...

Они переглянулись, а перед моими глазами всплыло ощущение струящегося серебра, когда впервые увидел Гиллеберда. Серебряные волосы ниспадают на плечи, усы не только пышные, но и настолько длинные, что вливаются в водопад бороды, достигая пояса. Но еще больше, чем седина, возраст выдает длинный крючковатый нос, насколько я знаю, у всех у нас эта штука растет всю жизнь, а у Гиллеберда нависает над верхней губой, подобно могучему наросту на коре дуба.

Сэр Кьюрдик ответил с затаенной усмешкой:

– Нет-нет, ваша светлость, не слишком.

Граф Гердер отвел глаза, но на губах играла затаенная улыбка.

Я спросил напрямик:

– Надеюсь, не будет бестактностью, если спрошу о ее возрасте? Все-таки не только из простого любопытства...

Кьюрдик ответил с предельным смирением:

– Ей уже пять лет. Вполне может повторить клятву обручения.

Я невольно охнул:

– Пять? Пять лет?.. Ну, поздравляю Его Величество!

Он поклонился.

– Обязательно передам его величеству. От себя добавлю, видя ваше доброе настроение, что принцесса Изагельда значительно моложе его внуков и ровесница двум его правнукам.

Сэр Гердер внимательно поглядел на меня.

– Ваша светлость, – уточнил он, – речь идет лишь о такой формальности, как помолвка. Конечно, вам обоим предстоит подождать с браком, пока принцессе Изагельде исполнится хотя бы шестнадцать лет. Вообще-то нужно семнадцать, но для лиц королевской крови делается исключение.

– А-а-а-а, – протянул я, стараясь, чтобы не видели моего облегчения, – это все упрощает...

Кьюрдик поклонился и добавил с самым смиренным видом:

– Еще как упрощает, ваша светлость. Помолвку можно и разорвать, если подворачивается удобный случай или возникает непреодолимое препятствие...

Гердер тут же вставил:

– Однако же, будучи помолвленными, вы скрепляете более прочными узами два королевства. А это, как понимаете лучше нас, служит миру и процветанию.

– Меньше подозрений, – добавил Кьюрдик, – меньше напряжения в отношениях. Купцы закладывают в цену товара меньшую надбавку за риск, что опять же служит лучшему распределению товаров сразу в обоих королевствах.

– Мы живем в таком мире, – сказал Гердер, – когда никакая ниточка, укрепляющая мир и дружбу, не бывает лишней.

Они говорили, сменяя друг друга, но в унисон, словно повторяли давно заученное, что, по сути, так и было, наверняка перебирали эти доводы по дороге сюда и до блеска отшлифовывали уже здесь.

– Благодарю вас, – сказал я. – Вы очень хорошо все объяснили. Передайте мои поздравления Его Величеству с его умелым подбором дипломатов. Сэр Жерар...

Я только взглянул на личного секретаря, как оба посла, все схватывая на лету, поднялись, разом поклонились.

– Ваша светлость...

– Сэр Кьюрдик, – произнес я, – сэр Гердер...

Едва они исчезли за дверью, сэр Жерар взглянул на меня с вопросом в очень серьезных глазах.

– Готовы?

– Давай, – сказал я нетерпеливо. – Стану великим майордомом, их будет куда больше.

– Великих майордомов не бывает, – буркнул он. – Выпрямьте спину, сэр Ричард.

Он исчез за дверью, а буквально через мгновение появился и сказал громко:

– Его светлость герцог Ульрих к его светлости майордому!

Двери распахнулись, на пороге возникла мощная фигура герцога, все в том же дорогом рыцарском доспехе, элитная сталь с синеватым оттенком, буквально ювелирная подгонка частей, но без шлема, снова бросились в глаза тяжелый массивный подбородок, высокие скулы и хорошо защищенные толстыми надбровными дугами глаза.

– Сэр Ричард, – сказал он, как равный равному, – я в доспехах, потому что ваши люди, как говорят, в них и спать ложатся?

Он сделал шаг вперед, двери за его спиной бесшумно закрылись, а он шагнул еще и слегка склонил голову, глаза его всматривались в меня с живейшим любопытством.

Я встал, голову наклонил чуть-чуть, это называется «милостивое наклонение сюзерена», хотя на мой испорченный слух звучит двусмысленно. Вообще-то мне лучше совсем не кланяться, нужно сразу дать понять всевластному герцогу, что здесь не Ундерленды, но вбитая с детства вежливость по отношению к старшим по возрасту заставила и поклониться, и даже выйти из-за стола.

Он по-своему истолковал мое молчание и после затянувшейся паузы проговорил со странной интонацией:

– Ваша светлость, сэр Ричард, лорд-протектор и майордом королевства...

Я сделал шаг навстречу и сказал учтиво:

– Ваша светлость, сэр Ульрих, герцог удивительной страны Ундерленды... Прошу вас, сэр Ульрих. Располагайтесь в этом кресле как вам удобнее. Сейчас принесут вина.

Он ответил с поклоном:

– Спасибо, сэр Ричард. Вы предельно заботливы о своих гостях.

Он сел, а я тайком перевел дух, все еще трушу, Ульрих слишком долго привык чувствовать себя единоличным хозяином, и хотя здесь не Ундерленды, но и я не король.

– Ваша светлость, – заговорил я без преамбулы, быстро и четко, как государственный деятель, у которого масса дел, – думаю, вам пора активизировать работу ордена Марешаля.

– И возрождения Арндского королевства, – добавил он словно бы в продолжение моих слов, но незаметно перехватывая инициативу, – это наша главная задача.

– Задача ордена Марешаля? – уточнил я.

– Да.

Я сказал осторожно:

– В целом совпадает с нашими планами... Мне лично слово Арндт нравится больше, чем Орифламме... От последнего духами пахнет. А вот «Арнд» – звучит, как «крепость».

Он заметил с легкой улыбкой:

– У вас прекрасное чувство языка. На древнем это и означало «цитадель». Значит, мы начинаем действовать открыто...

Я сказал поспешно:

– Только учитывайте реалии. Во-первых, во всем советуйтесь с отцом Дитрихом. Это Великий Инквизитор. Вы стремитесь возродить угасающий, на ваш взгляд, дух рыцарства, самопожертвования, чести и благородства, а мы пришли из королевств, где эти качества еще в самом расцвете... Так что, уверен, найдете общий язык, хотя у нас роль церкви намного сильнее, чем у вас было раньше.

На его лице отразилось некоторое неудовольствие.

– Церковь, – возразил он, – способствовала, на наш взгляд, внедрению в общество чрезмерной мягкости, всепрощенчества и потаканию слабостям. Она косвенно виновата, что дух рыцарства почти угас!

– Виновата не церковь, – поправил его я, – а церковники.

– Но...

– Церковь от Бога, – объяснил я, – а церковники всего лишь люди. Они могут в каких-то случаях неверно понимать слова Великого Завета. В Ундерлендах проявили слабость...

Он прервал:

– Я говорю о всем королевстве.

– И в нем проявили непростительную слабость, – согласился я. – Но пришли мы, молодые и сильные. И с нами такая же церковь. Молодая, сильная и злая. А насколько всепрощенческая, видно по тем кострам, что сразу же запылали по всему королевству.

Голос мой звучал уверенно и непреклонно, все-таки трушу, герцог просто излучает властность, но я заставлял себя смотреть ему в глаза весело и дружелюбно, как человек, полностью уверенный, что его доводы примут, как свои.

Герцог проговорил с неохотой:

– Хорошо, будем сотрудничать с церковью... в большей мере, если она действительно усиливает, а не ослабляет дух рыцарства.

– Спасибо, ваша светлость, – сказал я. – А так как деятельность ордена теперь будет распространена на все королевство, то я рассчитываю, что и служителям церкви будет оказан в Ундерлендах теплый прием, а также всяческая помощь и поддержка.

При первых словах его лицо посветлело, затем помрачнело, но быстро взвесил плюсы и минусы, кивнул.

– Да, конечно...

– Кроме того, – сказал я торжественно, – ввиду того, что у нас такие грандиозные планы, я просил бы вас внести свою лепту в установление арндскости.

Он взглянул вопросительно:

– Ваша светлость?

– У вас неплохая армия, – напомнил я. – Небольшая, но прекрасно обученная. И у ваших вассалов хорошие дружины. Компактные, вооруженные до зубов... Что и понятно, постоянно воюют... Я предлагаю присоединиться к большому крестовому походу на безбожный и варварский Гандерсгейм! К слову сказать, все рыцари вашего друга герцога Готфрида Брабантского сразу же примкнули к нам, помогли освободить Сен-Мари от захватчиков, а теперь готовы вместе с нами окончательно решить проблему Гандерсгейма.

На его лице сперва отразился резкий протест, слишком долго привыкли жить в изоляции, затем глубокое сомнение.

– Слишком далеко, – произнес он мрачно, – это же на другом конце королевства...

– Все королевство можно перепрыгнуть, – сказал я, – с разбегу, конечно. Я видел и побольше, сэр Ульрих. Значит, вы не хотите, чтобы арндскость распространилась и на Гандерсгейм? Или хотите, чтобы это свершилось чужими руками?

На эту нарочитую резкость он должен обидеться, так и случилось, потемнел лицом, откинулся на спинку кресла и смотрел на меня хмуро и со злостью.

– А как, – процедил он сквозь зубы, – мне провести армию через Землю Дьявола? Как ни защищайся, гарпии малые отряды истребляют целиком, а из больших вырывают не меньше чем по трети.

Я сказал мрачно:

– Так как ту землю Его Величество пожаловал от великих щедрот и неслыханной доброты мне, то я и обеспечу безопасный проход.

Он смотрел неверяще.

– Как?

Я огрызнулся:

– Только в Сен-Мари не знают другой тактики, кроме защиты!.. А вот по ту сторону Великого Хребта умеют и нападать, сэр Ульрих. Я подумаю насчет этой проблемы. Уверен, она решаема. Понимаю, сепаратистам эти гарпии только на руку. Но пора положить конец этим центробежным силам. Разделение функций и обязанностей с провинциями ничего не имеет общего с суверенитетами.

Он хмурился, морщился, кусал губы. Я исподтишка наблюдал за борьбой, никому не хочется терять самостоятельность своей земли, но с другой стороны – заманчивая возможность распространить влияние ордена Марешаля на все королевство...

– А что, – поинтересовался он слишком уж нейтральным голосом, – с землями Гандерсгейма?

– Поделим на участки, – ответил я, – и вместе с покоренным населением раздадим наиболее отличившимся рыцарям нашего войска. Как вы понимаете, львиную долю предпочел бы дать рыцарям Ундерлендов. И догадываетесь, почему...

Он кивнул с кислым видом.

– Да-да, вырвать из изоляции, переманить на свою сторону, показать другим, что под вашим знаменем идти еще и выгодно...

– Значит, – сказал я, – понимаете, ундерлендцы могут быть вознаграждены щедро. И все это станет вашей заслугой, если призовете своих рыцарей в священный крестовый поход и возглавите ундерлендское крыло войска!

Он все еще раздумывал, но я уже видел, главное достигнуто, а торговаться герцог будет только по мелочам.

Дверь приоткрылась, в щели показалось лицо сэра Жерара.

– Сэр Ричард, – сказал он виноватым тоном и скороговоркой, – прибыли граф Ришар и ваши лорды. Нужно срочно ваше решение по Гандерсгейму...

Я прервал:

– Дайте нам еще пять минут и зовите сюда... Как видите, дорогой герцог, здесь работы выше головы.

Герцог все понял правильно, поднялся, в глазах досада, но на лице любезная улыбка.

– Да, – проговорил он тем же любезным голосом, – такова участь правителя. Спасибо за очень дружескую и плодотворную беседу, сэр Ричард!

Я наклонил голову.

– Ваша светлость...

Он вышел, сэр Жерар заглянул снова. Я спросил шепотом:

– Ну, где там Ришар?

Он покачал головой и ответил почти шепотом:

– Никаких Ришаров. Ваша беседа опасно затягивалась, это умаление авторитета майордома.

– Ага, – сказал я чуточку обалдело, – ну да, а как же... Спасибо, сэр Жерар!

– Не за что, сэр Ричард. Это моя работа.

Глава 4

Ночью грезилась какая-то хрень, а потом, конечно, толстые голые бабы, как на картинах художников эпохи Возрождения. Я, понятно, занимался с ними всяким приятным непотребством, проснулся с сожалением, отполз от мокрого пятна на простыне на другой край кровати, но досмотреть сон не сумел, в голову полезли мысли, а их растолкала одна злая насчет того, что в самом деле был такой откат, время преподлейшего торжества самой тупой и косной части общества, когда устали строить Царство Небесное на земле и возжелали вернуться, как было высокопарно заявлено, к античной культуре. Вернуть ее самобытность, что значит – раскованность в половой сфере, гомосексуализм, оргии, жертвоприношения, рабство, поклонения местным богам... Апологеты той эпохи называли ее эпохой Возрождения, именно эти сволочи клеймили Средние века как темные и невежественные, а людей обвиняли в религиозном фанатизме.

На самом же деле это и был единственно золотой век человечества, становление и расцвет культурных и христианских ценностей, примат духа над телом, время рыцарского достоинства, верности, чести, благородства. Средневековье определило направление развития человечества с тех времен и навеки. Именно в эти века были заложены все вехи и ориентиры, по которым еще идти и идти до самого Последнего Дня.

Сейчас у меня уникальный шанс не допустить этого дурацкого Возрождения, когда быдло берет верх и с криками «Не хочу учиться, а хочу жениться!» требует хлеба и плотских зрелищ. Именно в античную эпоху, когда души у человека не было, появилась только с христианством, – плоть была не только в центре внимания, но и вообще всем. А каждый из нас слаб, всегда готов поспать дольше, увильнуть от учебы и работы, почревоугодничать, приударить за чужой женой...

А когда появляется некто и объявляет это не пороком, а достоинством, а под слабости подводит теоретическую базу, мол, это не лень и скотство, а возврат к античным традициям сексуальных и прочих свобод, возрождение высокой, даже высочайшей античной культуры, то как не поддаться, когда нас только подтолкни, дай нам правдоподобное оправдание?

Нет уж, мне плевать, кем меня назовут, но без всякой жалости вытопчу ростки этого гнилого и смердящего Возрождения. Ну, конечно, не плевать, обидно будет, еще как обидно, однако дело надо делать, как бы и что бы о нас ни сказали.

В спальне сопят, чешутся, вздыхают, слышно, как позевывают с волчьим подвыванием. Я откинул раздраженно полог балдахина и спустил ноги на пол. Куча народа, пара незнакомых лиц, как-то сумели продвинуться по служебной лестнице и уже допущены к утреннему туалету майордома. Именно майордома, здесь только те, кто признает меня им, а те, кто упорно величает маркграфом, остались в своих родовых гнездах. В лучшем случае, толпятся в общем зале.

– Ваша светлость, – учтиво, но твердо сказал граф Валгергорд, – камзол сегодня придется надеть темный с золотым шитьем, брюки с широким поясом, а туфли с узкими носами.

– А почему такие туфли?

– Вошли в моду, – объяснил он терпеливо. – Широконосые были в прошлом сезоне.

– А ноги у меня с прошлого сезона, – напомнил я.

Он развел руками.

– Чтобы быть красивым, надо страдать.

– Не буду, – ответил я твердо. – Майордом выше моды. Подать мне широконосые! К тому же это будет расценено, как верность старым добрым обычаям.

– Ваша светлость, – сказал Валгергорд со вздохом, – вы... политик.

– У вас это звучит, как ругательство.

– Наверное, – предположил он, – трудно быть таким?

– Мудрым?

– Гм... ну да, вот таким мудрым.

– Надо, – сказал я твердо. – Это да, я такой! Вот и сейчас думаю, что бы еще намудрить.

– Ох, сэра Ричард, – сказал он с беспокойством, – чувствую, хлебнем мы с вами... счастья.

– Полной лопатой, – заверил я.

В комнату вошли Альбрехт, Альвар, Растер. Вельможи на них косились с неприязнью и завистью: им можно появляться всегда перед мои очи. Альбрехт сразу направился ко мне, чем-то рассерженный настолько, что даже челюсти сцепил так, будто поймал меня за палец, когда я пересчитывал ему зубы.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Наши войска сосредотачиваются в Брабанте, – напомнил он сухо. – А вы столько сил тратите на строительство дороги в Армландию... а тут еще и этот флот... Не лучше ли прибыть на границу с Гандерсгеймом? И заняться конкретным делом, а не этими... э-э... непонятными?

Альвар и Растер тоже смотрели серьезно и требовательно. Я развел руками.

– Дорогой барон, я сам сухопутник. То есть мое королевство, как и Армландия, не имело выхода к морю. Так что я понимаю ваши чувства... В смысле, неприязнь к мокрому. Но войска будут собираться в Брабанте еще пару недель. Потом туда выедет граф Ришар, сейчас он заканчивает, как вы хорошо знаете, разрабатывать стратегический план захвата и удержания Гандерсгейма. Или отдельно взятых зон. А я на своей быстрой лошаденке догоню, когда войска уже выступят из Брабанта.

Он рассматривал меня в упор, словно стараясь понять, где же соврал, зато Альвар тут же учтиво поклонился.

– Сэр Ричард, вы всегда объясняете настолько подробно, что мне становится неловко.

– За меня? – спросил я с подозрением.

Он затряс головой.

– За нашу назойливость.

Я вздохнул с облегчением.

– А-а-а, я уже подумал, и вы обзовете занудой.

Он встрепенулся.

– А что, уже кто-то называл?

Я устало отмахнулся.

– Идите, сэра Альвар. С вами кем только не станешь.

– Там вас Куно дожидается, – напомнил он.

– Так почему не входит?

– Не по рангу.

– Эх, – сказал я с досадой, – умные люди, а все играют...

Куно перехватил меня, когда я уже одетый с головы до ног, майордом и маркграф, сразу видно, шел в сопровождении свиты к своему кабинету.

– Иди за мной, – велел я.

Когда за нами захлопнулись двери, я сказал с досадой:

– Что-то такое, что не для чужих ушей? Да ты садись, садись. Никто не видит, что какие-то церемонии пропущены.

Он присел на край сиденья робко, на лице испуг, сказал совсем тихо:

– Поговаривают, что собираетесь пожаловать леди Розамунде поместье Оаклендов с его богатыми землями. Там старинный замок Белой Кости и очень разросшиеся деревни.

Я удивился:

– Так говорят?

– Да, ваша светлость.

Я пожал плечами.

– Не знаю, зачем и кто пустил такой слух.

Он сказал почтительно:

– Возможно, вас пытаются натолкнуть на эту мысль?

– Пожаловать леди Розамунде замок Белой Кости?

Он предположил осторожно:

– Его или что-то другое... Просто так как бы принято...

Я посмотрел на него с удивлением:

– Правда?.. Странные обычаи. Я понимаю, пожаловать это сэру Курнанделю, он привел под мою руку пятьсот тяжелых конников, две тысячи пеших ратников и три тысячи лучников. Но леди Розамунде?.. Вы что, тоже считаете, что их услуги... назовем это так... сопоставимы?

Он чуточку смешался, развел руками.

– Лично я так не считаю, но так принято... Заведено... в порядке вещей... Король раздает своим фавориткам богатые земли и замки, а их мужьям жалует титулы. Или родителям, если леди еще не замужем...

Я сказал решительно:

– Куно, я не скупой, но я не стану за такую хрень платить так высоко. Вообще не стану платить!.. И не делай такие глазки, а то вылезут. У нас в таких делах вообще равноправие. В некоторых случаях это я должен бы получать плату, тут целое королевство неотесанных дур, дурех и дурищ!.. Но я щедрый и плату брать не буду.

Он поклонился, старательно пряча изумление на лице.

– Да, ваша светлость, я приму к сведению новое определение щедрости. А теперь вот сводки о финансовом положении королевства...

Мы занимались ими около часа. Сам черт ногу сломит в законах и обычаях раздробленного королевства, где почти каждый крупный лорд имеет особые привилегии, права, сам устанавливает пошлины в пределах своего хозяйства и нещадно обирает транзитных купцов.

Сэр Жерар осторожно заглянул, поколебался, но вошел и прикрыл за собой дверь.

– Ваша светлость, – произнес он очень церемонно, – к вам отец Удодерий, если позволите.

Я спросил с подозрением:

– А что за тайны?

Он ответил так же негромко:

– Да есть какие-то моменты...

Куно торопливо подхватился.

– Спасибо, ваша светлость, мы уже все практически решили! Остальное я подчищу сам и зайду к вам попозже для утверждения.

Я милостиво наклонил голову, разрешая удалиться, а сэру Жерару кивнул.

– Давайте отца Удодерия немедля.

Священник вошел быстро, но с достоинством, оба мы – служим одному Господину, поклонился еще от порога, рослый, с крупным лошадиным лицом, глаза упрятаны под надбровные дуги, но лоб мощный, хотя не так заметный из-за не менее мощной нижней челюсти.

– Ваша светлость...

– Отец Удодерий, – ответил я. – Проходите, располагайтесь. Что у вас?

Он сел без всякого смущения и подобострастия, даже не поотнекивался, взгляд прям, а голос прозвучал сухо и деловито.

– Отец Дитрих направляет меня руководить работами, – сказал он, сделал паузу и добавил значительно: – В Тоннеле.

– Понял, – ответил я. – А отец Цеденбал?

– Он продолжит заниматься хозяйством, – пояснил он. – Заготовкой леса, шпал, инструмента, подбором бригад...

– Хорошо, – прервал я. – Пока что вот главное, отец Удодерий. Дорогу и дальше делайте по возможности прямую. Не устаю повторять, это очень важно, уверяю вас!.. Никаких зигзагов. Если пойдет по низине – делайте насыпь. Если через возвышенность – выгоднее прорыть хоть ущелье, но чтобы дорога шла не только прямо, но и примерно на одной высоте.

Он пробормотал ошарашенно:

– Да, конечно, как скажете... Но насколько это важно? Такая дорога обойдется невероятно дорого.

– Все окупится, – заверил я. – Но если поскупимся и сделаем проще и подешевле, то из Геннегау до Тоннеля придется добираться целые сутки.

Он охнул:

– Ваша светлость, это вы так шутите? Сейчас на это уходит неделя!

– По прямой домчимся за час, – пообещал я.

Он смотрел обалдело, а когда понял, что не шучу, нижняя челюсть отвисла до пояса. Я даже не ухмыльнулся, привык видеть это сперва лстящее мне выражение, а теперь уже раздражающее.

– Вы из монастыря святого Цистерия?

Он поклонился.

– Да, я там был и остаюсь настоятелем.

– Спасибо отцу Дитриху, – сказал я с чувством.

– Простите...

– Я просил прислать лучшего, – пояснил я. – Значит, отец Дитрих ценит вас выше всех остальных. Да это и понятно, слава монастыря Цистерия гремит...

Он покачал головой.

– Не так уж и гремит... Но, как я понял, там работы подходят к концу?

– Работы непочатый край, – заверил я, – но лично для вас, святой отец, особое задание. Отправляйтесь немедленно к Тоннелю. Там уже готов крохотный участок дороги со шпалами. Пришло время укладывать рельсы... Это и будет вашей работой. Правда, сперва я сам покажу, но раз вы цистерянец, то, как я слышал, цистерянце все схватывают моментально.

Он начал вставать, поклонился, но остановился в полусогнутом положении.

– Кстати, ваша светлость... Осмелюсь сообщить, что я краем уха слышал про условие герцога Ульриха.

Я спросил настороженно:

– Это какое же?... Да вы присядьте, святой отец.

Он снова опустился на сиденье, но не развалился, как отдыхающий гость, а остался на самом краешке, готовый немедленно встать и действовать по обстоятельствам.

– Гарпии, – напомнил он. – Гарпии, что изрядно досаждают и нам, монахам, когда мы пытаемся связаться с нашими братьями в Ундерлендах. Мы уже кое-что предпринимаем...

Я спросил заинтересованно:

– Что именно? Вот на ловца и зверь бежит!

– Спешу заверить, – произнес он с достоинством, – дело трудное, но вовсе не безнадежное, как может показаться. Наши братья-монахи могут помочь.

Я спросил жадно:

– Это как же? Святой отец, не томите!

– Абсолютно не желая того, – сказал он осторожно, – создали некую горючую смолу... случайно, конечно. Собирались сотворить нечто другое, но получилась вот такая гадость.

– Да не извиняйтесь, – прервал я, – в науке такое бывает чаще всего. А все придуманное прежде всего используем для военных действий. А потом присобачиваем для мирного труда. Если удастся.

– К сожалению, вы правы.

– Предлагаете эту штуку забрасывать в гнезда гарпий? – спросил я.

Он кивнул.

– Вы удивительно проникательны, ваша светлость.

– Здесь не надо быть проникательным, – возразил я. – Но... как?

– На гору подняться очень трудно, вы правы, но можно спуститься на веревках, а затем выжечь все эти гнезда.

– А вы видели тех гарпий? – спросил я. – Сотни и сотни только нор. А из каждой вылетают десятки этих тварей. Разорвут всех, кто рискнет спуститься. Нет, нужно придумать что-то другое.

– Разорвут не всех, – возразил он почтительно. – Зато жертва будет не напрасна! Там останется такой запах, ничто живое в тех норах больше не поселится.

Я покачал головой.

– Отправить людей на смерть могу, не такая уж я нежная барышня. Но лишь в случае, если нет другого выхода. А так я всего лишь лишусь поддержки герцога.

– У него большое войско, – напомнил он. – И хорошо обученное. Они там внутри все воюют один с другим, закалены, к трудностям приучены. Да и не нужна вам такая армия в тылу.

Я посмотрел на него внимательно. Отец Удодерий не прост, если говорит о таких делах, что явно не входят в круг обязанностей настоятеля монастыря.

– Спасибо, – ответил я. – Вижу, радуете об отечестве.

– Вы радуете, – ответил он с поклоном. Посмотрел на меня исподлобья и уточнил: – В самом деле радуете.

– Спасибо, – повторил я, – но...

– Ваша светлость, – прервал он. – Братья нашего монастыря помогут. Мы издавна опекаем одно полудикое племя... Сперва спасли их от истребления, раз они сразу приняли веру Христа, потом научили их жить трудом, а не разбоями. Так вот они славятся удивительным искусством лазить по скалам. По самым отвесным поднимаются, как вот мы на пологий холм!.. Мы с вашего позволения можем послать их на очищение тех ужасных каменных стен от гарпий.

– Погибнут, – сказал я.

– Не все, – ответил он с заминкой. – Но всякий, кто отдаст жизнь за торжество веры, попадет в рай без всяких задержек.

Я сказал с неловкостью:

– Хорошо. Действуйте, святой отец. Я вообще-то тоже подумаю, чем смогу помочь, но... не обещаю.

Отец Дитрих издал энциклику, прямо папа какой-то, дескать, дорога до Тоннеля строится по Божьему повелению под надзором всемогущей и всемилостивейшей, а кто попытается утащить хотя бы гайку, тому в аду черти будут отрубать руки и выкалывать глаза.

После отбытия папских посланников он получает отовсюду поздравления начет особого доверия Ватикана, нунций – это почти сам папа на местах, но на самом отце Дитрихе повышение в чине отразилось лишь тем, что работать стал еще больше.

Впрочем, думаю, на это и рассчитывал хитроумный Ватикан. Облеченный высоким доверием, отец Дитрих теперь рассылает указы, всякие и разные, но два из них очень важны, хотя большинству и не совсем понятны. Один касается железной дороги, другой – строительства флота.

При дворе оживленно судачили, как и по городу. Вообще дорога везде вызывает массу слухов, а стража уже захватила и приволокла парочку алармистов, предупреждающих, что по этой дороге прибудет сам Антихрист.

Теперь оба болтаются на виселице, а дощечка над их головами гласит, что это слуги Антихриста. Я не стал ломать голову, подыскивая обвинения, иногда на «дурак» лучше всего ответить «сам дурак!».

Куно снова зашел с продолжением ежедневного утреннего доклада, я слушал вполуха, наконец прервал нетерпеливо:

– Это все мелочи, разгребешь сам... Что с армией?

– Половина уже в Брабанте, – доложил он. – Это те отряды, что стояли в городах ближе к нему. Остальные на марше. Припасы собраны, погружены и в составе трех больших обозов готовы отправиться в направлении Брабанта.

– Только готовы? Я был уверен...

Он сказал поспешно:

– Часть отправили сразу же, но самое важное грузят только сейчас. Без походных кузниц по ремонту доспехов и оружия никакое войско не сможет продвигаться успешно.

– Финансирование?

Он поморщился.

– Войны обходятся дорого... особенно на первом этапе. Потом, если все удачно, война начинает кормить сама себя. Правда, в Гандерсгейме, по вашим же словам, мало чем проживем, а города не хотите отдавать на разграбление.

– Которые выкажут неповиновение, – сказал я, – разграбить дотла! Которые неповиновения оказывать не будут, однако и сотрудничать не восхотят, как надлежит добрым христианам, лишатся нашей защиты, а также сбережений.

Он кивнул, лицо прояснилось.

– Если так, нам не придется повышать налоги. А на сбор и оснащение войска достаточно и тех средств, что получены из имущества поклонявшихся черным мессам. Ну и... прочих, замешанных.

Я подумал, кивнул.

– Если средств будет катастрофически не хватать, положите мне на стол список с прочими... близкими к черномессианцам. Или слишком уж явных противников благородных спасителей от варваров.

В дверь торопливо заглянул сэр Жерар.

– Простите, что прерываю, – сказал он торопливо, – но, сэр Ричард, к вам идет леди Бабетта.

Я сказал с неловкостью:

– Да-да, знаю, она не признает наших правил. Не препятствуйте.

Он прижался к косяку, пропуская гостью, леди Бабетта вошла светлая и сияющая, сказала укоризненно:

– Что значит не признаю правил? Обижаете, сэр Ричард! Женщины вообще вне правил!.. Мы просто не можем их запомнить, разве не понятно?

Куно поднялся, торопливо поклонился.

– Сэр Ричард, я ваши ценные, даже драгоценные указания понял, запомнил и бегу исполнять!

Он исчез, леди Бабетта сказала ему вслед одобрительно:

– Какой откровенный подхалим! Люблю таких.

Сэр Жерар вышел и плотно захлопнул за собой дверь. Бабетта села напротив, ногу закинула на ногу, немислимая вольность для современных дам, и хотя пышное платье в несколько слоев все равно скрывает ноги, однако верхняя обнажилась до середины голени, а это уже огого...

Глаза Бабетты сияют, на губах улыбка, а милые ямочки на щеках стали глубже.

– Милый Ричард, – проворковала она, – что за странную дорогу вы делаете? Как по ней смогут ездить, если постоянно перегораживаете деревянными колодами?

Я ответил лениво:

– Милая Бабетта, я на вас удивляюсь. Вам описали так странно?

– А вам трудно поверить, – ответила вопросом на вопрос, – что мне восхотелось бы интересные вещи увидеть своими глазами?

Я спросил ошалело:

– Вы и там побывали?

Она мило улыбнулась.

– Женщины любопытны, милый Ричард.

– Гм... в отношении платьев – понимаю. Но железная дорога...

– Железная? Она железная?

Я покрутил пальцем в воздухе.

– Бывает же у человека железная воля? Или холодный взгляд?.. Техника – это так скучно и не по-женски... Расскажите, какие фижмочки в моде, какие оборочки, какие пуговицы...

Она лукаво улыбнулась.

– Милый Ричард, не увиливайте. Все равно такое в тайне не удержать, как ни старайтесь.

– Да я и не стараюсь.

– Вам удалось отыскать что-то из вещей Древних?

Я ухмыльнулся.

– Вы же знаете мое отношение к этим штукам.

– Знаю, – согласилась она. – Но все же пользуетесь? Не увиливайте, сэр Ричард.

– Лучше я, – ответил я, – чем другие.

– Значит?

– Не угадали, – сказал я, – все делаем сами. Насыпь, кюветы, шпалы, штопки, костыли, накладки... В монастырских мастерских вовсю клепают части для паровоза.

– Паровоза?

– Да, парового воза, – пояснил я. – Впереди век пара, милая леди!.. Паровых мельниц, паровых молотов, паровых колес, паровых... еще чего-нить. Даже детей будут зачинать с помощью пара и света.

– Это... как?

– Заходит в комнату пара, – объяснил я, – гасят свет... А дальше, как обычно.

Она расхохоталась, лямки соскользнули с обоих плеч, приглашая к более вольной беседе, но взгляд все такой же острый, голосок звучит как убаюкивающий ручеек, скачущий по камешкам, но я не замечаю ни одного слова, бьющего мимо цели.

– Ах, милый Ричард... Уверены, что ваша затея не провалится?

– Пока не проваливались, – ответил я самоуверенно.

Она покачала головой.

– Вы просто о них забываете. Чем закончился поход к замку мятежного рыцаря Сулливана, а ныне барона с вашей легкой руки?.. Было совсем недавно, а вы уже и не помните! Счастливый человек. Другой бы себя загрыз... Согласна, баланс побед и поражений пока в вашу пользу. Но дорогу строите совсем уж нелепую...

– На Юге таких нет? – спросил я с любопытством. – Ну да, там либо дикость, либо остатки очень высоких технологий, не отличимых от волшебства, уразуметь которые никто и не пытается. А здесь именно то, что можно понять, повторить, сделать самим, даже усовершенствовать. Леди Бабетта, вы так ничего и не рассказываете о Юге! Это не по-дружески.

Она ответила с небрежностью:

– А что вам интересно? Например, Юг просто безумно силен...

– Не так уж и, – возразил я. – После Войны Магов в недрах уцелели кое-какие защитные механизмы. Потому Юг в защите силен, но слаб в нападении.

– Вы так думаете?

– Это бесспорно, – ответил я. – Иначе Юг уже покорил бы Север.

Она мило улыбнулась.

– А если Югу это неинтересно? Что можно взять у дикарей?

Я покачал головой.

– На Юге люди не такие уж и... цивилизованные. Они бы с удовольствием завоевали Север, если бы смогли.

Она всматривалась в меня с интересом.

– Вы говорите так уверенно...

– У меня есть на то основания, – ответил я загадочно.

Она широко распахнула глаза.

– Как здорово!.. И даже в постели не проговоритесь про источник информации?

– Попробуйте, – предложил я скромно.

Она подумала, сказала задумчиво:

– Можно бы попытаться, однако... как бы это вы сами меня не раскололи в постели...

Я такая слабая, податливая, незащищенная, наивная, уступчивая, доверчивая... Мне можно будет съездить посмотреть, как эта дорога выглядит?

– Вы уже все посмотрели, – ответил я с небрежностью в голосе. – Но рабочие ничего не знают, а на монахов ваши чары не подействовали, верно?

– Да я и не старалась, – ответила она и наморщила нос. – А вы лично поведете войска в Гандерсгейм?

– Повинуясь приказу императора, – ответил я.

Она дерзко улыбнулась.

– А если бы это не совпадало с вашими замыслами?

– А зачем мне Гандерсгейм?

– Постоянная угроза, – напомнила она. – А вы не тот человек, который смирится с таким положением. Из тех, кто дает сдачи... заранее?

– Я постарался бы договориться с гандерсгеймцами, – пояснил я. – Не люблю воевать.

– Не любите? А кто...

Я прервал:

– Люблю побеждать, а это другое. Для победы не обязательно бить противника по голове, хотя, кто спорит, это помогает. В смысле, упрощает путь к победе. Хотя...

– Что «хотя»?

– Хотя делает ее не такой прочной.

Она чарующе улыбнулась.

– Милый Ричард, меня вы завоевали прочно.

– А уж вы меня... – ответил я ей в тон.

Мы с улыбками смотрели друг на друга и даже не чувствовали смущения, что брешем так бесстыже. Когда каждый из нас понимает, что брешет не только он, но и ему, это несколько затрудняет общение, но сильно облегчает совесть.

– Леди Бабетта, – сказал я, – у меня куча дел. Но если хотите, продолжим нашу деловую беседу в постели. Вы, как я уже заметил, не брыкаетесь во сне и не стягиваете одеяло. Это самое главное для женщины, чтобы считаться очаровательной.

– А храплю? – осведомилась она с беспокойством.

– Не заметил, – признался я.

– Слава богу, – сказала она с облегчением. – А то вы не упомянули в перечне моих несомненных и ярко выраженных достоинств.

– Я только начал перечислять, – сказал я галантно. – Но могу и продолжить...

– Не надо, – прервала она, – это продлится до утра, я же знаю, что замечательная. Мне бы тоже хотелось продолжить в таком уютном месте, но... тоже куча дел. И, не поверите, тоже интересных.

Сэр Жерар, как будто все слышал, хотя почему нет, приоткрыл дверь и спросил торопливо:

– Вас ожидают лорды, вы их вызвали...

Я вздохнул.

– Вот видите, Бабетта, я тоже, как загнанная лошадь. Даже как загнанный конь.

Она прервала:

– Тогда я воспользуюсь вот этой вашей потайной дверью? Не делайте большие глазки!

Или вы о ней не знали?

Она исчезла, сэр Жерар выждал нужное время и сказал тихо:

– Я решил, что...

– Лордов опять придумали?

Он кивнул.

– Мне показалось...

– Правильно показалось, – прервал я. – Похоже, мне в самом деле нужно отлучиться на денек-другой.

Он спросил с заминкой:

– Позволено ли мне узнать...

– К Тоннелю, – прервал я. – Так и отвечайте. Ваш лорд держит его под неусыпным контролем, бдит и бдит. При малейшей попытке захватить... имею в виду серьезные попытки, предпочтет обрушить гору сверху, на этот раз перекрыв дорогу намертво! Так пусть и знают все, кто начал забывать.

Он кивнул, лицо остается бесстрастным, ни одобрения, ни недовольствия, настоящий дипломат, мне бы так.

– Хорошо, ваша светлость. Вы правы, такое нельзя упускать из рук.

– Еще бы!

– Древние были сильны, – проговорил он со вздохом. – Я прошел по Тоннелю со всей нашей армией и дивился больше всего месту, где Тоннель...

Я переспросил:

– А что там особенного?

– Никогда бы, – пояснил он, – не стал искать его там!.. Хребет где-то шире, где-то уже, и разумнее пробить в самом узком месте. Но Древним все равно, пробили вблизи того места, где у них уже имелась дорога. Это говорит о их не измеримой нашими мерками мощи.

– Эта мощь в наших руках, – ответил я бодро, но вспомнил, что двери в складские помещения открываются только перед Бобиком, добавил: – И мы эту мощь не упустим.

Глава 5

От разговора с леди Бабеттой впервые остался недобрый осадок. К Тоннелю отношусь ревниво, слишком разные формации по обе стороны, и если контроль над ним захватит кто-то другой...

На рассвете, свистнув прихвостню на кухне, я на Зайчике выметнулся за ворота Геннегау.

Воздух свежий и такой прозрачный, словно его нет вовсе, в город уже двигаются повозки и навьюченные животные, щелкают кнуты погонщиков скота, резкими голосами кричат овцы, мычат коровы, покачиваются корзины с сыром, кувшины с молоком – все это навьючено на лошадей и осликов.

Я свернул в сторону от дороги, не стоит пугать народ и животных бешено скачущим всадником на огромном черном коне, которого сопровождает Адский Пес, мысли вернулись к моей особой дороге.

Под надзором монахов ее строят спешными темпами от самого Геннегау. Хорошо бы начать еще и по ту сторону Хребта, но слишком рискованно. В Армландии как нигде сильны традиции удельных лордов, а мой авторитет не настолько велик, чтобы мог не считаться с правами феодалов, по чьим землям пройдет дорога, и не получить сдачи.

То ли дело здесь, в покоренной стране, где сразу без всякой жалости истребил всякое сопротивление, а остальным показал, что и впредь буду вести себя как тиран, так как, знаете ли, сейчас военное положение. А вот когда перейдем на мирное, тогда и получите право голоса и некоторые послабления.

Мы мчались параллельно дороге, но на почтительном расстоянии, чтобы не пугать рабочих. Последние миль пять на насыпи уже уложены шпалы, отесанные и обмазанные смолой, чтоб не гнили, а последнюю милю перед Тоннелем не просто уложены, но и возле каждой высятся аккуратные горки мелкого щебня или ракушек.

Я остановил коня, Бобик благовоспитанно сел, даже не запыхался, зверюка. В нашу сторону рабочие повернули головы, к нам заспешил рослый монах.

Бобик не сдвинулся, но монах на всякий случай зашел с другой стороны, смиренно поклонился.

– Ваша светлость?

– Бригада по укладке рельс собрана? – спросил я.

Он ответил несколько смущенно:

– Все сделано, как вы велели. И молотобойцев уже созвали из всех ближайших деревень...

– А костыли изготовили?

Он переспросил опасливо:

– Это те странные гвозди... такие толстые и четырехгранные?

– Да.

– Все готово, ваша светлость... Только не знаю, как это все...

– Узнаешь, – оборвал я. – Собери монахов, которым можно доверять. И с десятков дюжих мужиков. Не слишком пугливых, конечно.

Он перекрестился, спросил тише:

– Что нас ждет?

– Скоро привезут длинные такие стальные полосы, – объяснил я, – мужики будут укладывать ровными рядами, а вы приговаривать, что во славу Господа. Я не хочу ни слухов, ни волнений.

Он поднял голову и бесстрашно посмотрел мне в глаза.

– А это в самом деле во славу Господа?

– Я паладин, – напомнил я сурово. – Мы строим Царство Небесное, а не просто коптим небо!

– Слушаюсь, ваша светлость.

Я тронул коленом Зайчика, мы понеслись к Тоннелю, а монах торопливо крестился сам и крестил на всякий случай меня, во избежание, так сказать. Доброму христианину только на пользу, а нечисть сразу закричит дурным голосом и превратится в смрад и дым.

Монастырь святого Квинтиллия, вспомнил я. Эти менее продвинуты, чем цистерцианцы. Те хватают на «ура» все технические новинки, спешно и с наслаждением приспособливают к работе и даже не приговаривают «Во имя Господа», это и так понятно, вся техника, облегчающая работу, только от Господа, а как иначе, это Он сам подсказывает светлые идеи.

Справа по извилистой дороге в сторону темного зева Тоннеля тянутся тяжело нагруженные телеги, идут караваны обвешанных тюками коней, осликов, мулов и даже верблюдов. Все с недоумением посматривают на прямую насыпь, что идет от Тоннеля: вроде бы дорога, но обтесанные и перемазанные дегтем бревна зачем-то уложены поперек на расстоянии шага одно от другого.

По бокам насыпи канавы, но это всем понятно, для отвода воды, а то размочит насыпь.

Я все сбавлял скорость, а когда впереди показался и начал стремительно вырастать лагерь строителей, пустил Зайчика легкой рысью, а Бобику велел держаться смирно сзади.

Возле шалашей и наскоро построенных бараков горят костры, в котлах на треногах варится похлебка, ветерок донес аромат мясного супа. На веревках сушится выстиранное белье, монах одиноко ходит, тяжело прихрамывая и опираясь на посох, все остальные суетятся на дороге.

Мы двигались вдоль кювета, нас заметили, но работы не остановились, только монахи начали всматриваться с подозрением, а один, высокий и плечистый, решительно направился в нашу сторону.

Улыбаясь, я вскинул руку.

– Приветствую, отец Удодерий!.. Как продвигается работа?

Он мгновение всматривался в меня, затем низко поклонился.

– Ваша светлость, сэр Ричард!.. – произнес он звучным и неторопливым голосом. – Простите, мы вас не ждали... так быстро. А работа идет...

– В сроки укладываетесь?

– Даже опережаем, – заверил он, – хотя многие даже не понимают, что делают.

– Скоро поймут, – пообещал я. – Когда увидят своими глазами. Отец Удодерий, вы и тут старший по части механики?

Он с достоинством поклонился.

– У нас весь монастырь ею занимается, – ответил он спокойно. – Это угодно Господу. Он сам был Первым Механиком и нам завещал сие богоугодное дело...

– Прекрасно сказано, – восхитился я. – Не зря отец Дитрих доверил вам такое дело! Итак, подберите надежных монахов. Крепких и не болтливых.

– Сколько человек?

– Полдюжины должно хватить, – сказал я. – Но можно и дюжину. Больше не надо. Чем больше людей, тем скорее пойдет утеря секретной информации, а слухи так вообще. Направляйте в Тоннель. Если не встречу по крайней занятости лично, вас встретит вон эта Божья собачка.

Он взглянул на Божье создание, содрогнулся, но ответил лишь чуть-чуть осевшим голосом:

– Значит, пришло время?

– Да, – ответил я. – Да узрят неверующие знаки внимания Господа нашего!

Я повернул коня в сторону черного зева Тоннеля, отец Удодерий сказал вдогонку:

– Ваша светлость!.. Я вообще-то как раз отправил группу монахов в Тоннель... Их повел отец Силеверстиус.

– Вы просто чувствуете, – сказал я пораженно, – что и как надо!.. Мне бы таких министров. Ладно, я пойду догонять, а вы будьте наготове. Начинается главная работа.

Он взмахом руки подозвал двух монахов, больше похожих на молотобойцев, бросил пару слов и почти бегом заторопился в сторону черного зева, куда нескончаемым потоком тянутся и тянутся нагруженные телеги и навьюченные животные.

Я быстро оглядел лагерь строителей, все наспех, однако работа делается быстро и добротнo, монахи хоть и не все своими руками, но ревностно следят, чтобы рабочие не халтурили.

– Одобряю, – сказал я наконец. – Бобик, к Тоннелю! Далеко не убегать!

Отец Удодерий вскарабкивался на мула, Зайчик весело ржанул и, обогнав его, пошел красивым галопом в стороне от основного пути, нам бездорожье не помеха, только у самого входа пришлось сбросить скорость.

Нагруженные телеги двигаются непрерывным потоком в обе стороны. Купцы нередко идут рядом, лошадям и так тяжело, их обгоняют всадники на легких быстрых конях, эти больше похожи на приказчиков, которым велено спешно вызнать, что и почему в новых землях. Вообще купцы всегда были теми авантюристами, что открывают страны и народы...

Перед нами поспешно расступались, прижимаясь к стенам, почтительно кланялись. Польстило, что во взглядах больше почтения к удачливому суперторговцу, сумевшему завладеть такой уникальной дорогой, теперь берет плату за ее топтание, чем к непонятной и далекой власти майордома.

– Счастья вам, ваша светлость!

– Здоровья, лорд!

– Долгой жизни!

Я улыбался и помахал рукой в воздухе. Думаю, пожелания счастья и долгой жизни искренние, все-таки я для них кое-какие перспективы открыл.

Бобик все-таки унесся вперед далековато, там паника, крики, наконец все утихло, а когда мы добрались до нужного места, большая группа монахов сбилась в кучку, Бобик сидит неподвижно у стены, как изваяние, только красный язык высунут на локоть из жуткой пасти и постоянно дергается.

– Слава Господу, – сказал я громко и соскочил с коня. – Собака – Божье создание, не зря же всех собак Господь берет в рай. Отец Силеверстиус?

Один из монахов, крупный и чем-то похожий на отца Удодерия, поклонился смиренно, но и с чувством достоинства.

– Ваша светлость...

– Отец Силеверстиус, – сказал я. – Ведите братьев!.. Бобик, открывай дверь служителям Творца!

Адский Пес пробежал вдоль стены, нюхая землю, монахи поспешно отпрыгивали и провожали его тревожными глазами. В сплошной стене с легким треском переломленного прутика возникла вертикальная трещина, тут же в стене образовался широкий проход, будто только что здесь была дверь... и вдруг исчезла.

Монахи крестились и бормотали молитвы. Бобик вскочил в образовавшийся проем, оглянулся.

Я махнул рукой.

– Господь доверяет тебе, – сказал я громко, – так что иди первым. Братья, пришел ваш час послужить великому делу строительства Царства Небесного на земле! За мной... а можете за этой милой собачкой.

Отец Силеверстиус крякнул, как огромный селезень, перед ним расступились, он шагнул вперед, бросил на меня взгляд, я кивнул, и он первым вошел в проем.

Я сказал громко:

– Здесь много соблазнов, братья мои!.. Потому ничего не трогать, не шупать, стен не касаться. Особенно, где всякие знаки... Помните, мы еще далеки от идеала, каким замыслил нас Господь, потому он постоянно испытывает нас, грешных.

Отец Силеверстиус перекрестился.

– Кому доверяет, того испытывает строже.

– Золотые слова, – одобрил я. – Вы избранные... Господом.

– Не подведем, – пробормотал он. – Во всяком случае, постараемся с Божьей помощью.

Один из монахов пробормотал:

– Да уж... ваша светлость, вы только не забывайте говорить, что нам делать.

– Пока только идти следом, – велел я. – Главное, ничего не трогать!

Они медленно двигались по проходу, сбившись в тесную группу, как овцы, что прижимаются так тесно друг к другу, что уже и не стадо, а нечто вроде огромного животного с множеством ног.

В конце этого служебного коридора еще дверь перед Бобиком распахнулась, монахи охнули и снова начали креститься и бормотать молитвы.

Бобик влетел в помещение склада огромными прыжками, я сказал торопливо:

– Бобик, ко мне!

Пришлось подождать, пока все монахи войдут первыми, косятся удивленными глазами, но не объяснять же, что дверь открывается не передо мной, а перед этой собачкой. Авторитет Бобика взлетит, а вот мой...

Первым вошел отец Силеверстиус, за ним остальные, вид ошалелый, но я все равно восхитился их выдержкой. Другие бы в панику, но эти понимают, что все созданное руками человека ничто перед созданным Господом, и осматриваются с великим изумлением, все-таки ангар чудовищно велик, это же сколько камня нужно выгрызти в толще горы и вывезти, но без страха.

Кое-кто сжимает крестики, у многих шевелятся губы, но молитвы – это чисто инстинктивное, что дает уверенность в защите, а глаза уже жадно шарят по всем этим чудовищным механизмам, странным и необычным.

Тусклый свет медленно охватывал все помещение, давая глазам привыкнуть, набрал силу, наконец стало светло, как в солнечный день. Впереди в идеальном порядке застыли на рельсах десятки платформ, на том же месте те два вагона, на которые я положил глаз еще в прошлый раз.

– Братья, – сказал я торжественно, – Господь уничтожил погрязший в грехах народ, но сохранил для нас, грешных, это вот место. Мы хоть и грешные, но в сравнении с теми прошлыми – просто праведники. Потому он и доверил нам взять это и пользоваться на благо церкви.

Отец Силеверстиус проговорил осевшим голосом:

– Но... как?

Остальные не двигались, бледные и вздрагивающие, постоянно крестились, все сбились в кучку, никто ни на шаг в сторону, прекрасно, но нет панического страха, все в руках Господа.

Я восхитился стойкостью, сам перекрестился демонстративно широко и даже пробормотал начальные строки молитвы, чем явно укрепил к себе доверие.

– Вот эти длинные стальные полосы, – объяснил я, – называются рельсами. По ним и пойдет во славу Господа паровоз, который спешно делают ваши братья в монастыре святого Цистерия. А вам предстоит погрузить их вот на эту платформу.

Отец Силеверстиус приблизился с крайне озабоченным лицом и тревожными глазами.

– А затем?

– Поздравляю, – сказал я.

– За что?

– Вы молча спросили меня, – объяснил я, – как доставим их к тем шпалам, что вы уложили... Грузите! Я все покажу.

Монахи все так же молча, вот уж где дисциплина, брались за рельсы, краснели и багровели, к ним подключались собратья, и наконец опытным путем определили, сколько человек нужно, чтобы поднять один рельс и уложить на платформу.

Отец Силеверстиус тоже хватался за блестящий металл, напрягал мускулы так, что на красном от напряжения лице вздувались вены.

Бобик поднял морду и начал прислушиваться, затем ринулся к проходу обратно.

– Продолжайте, – велел я монахам. – Отец Силеверстиус, следите за порядком.

– А вы?

– Сейчас вернусь.

Бобик пронесся по тоннелю с ячеистым потолком, дверь раздвинулась в Большой Тоннель. Караваны все так же идут в обе стороны, мы увидели удаляющуюся фигуру отца Удодерия с отсапывающимся мулом в поводу и двух монахов могучего сложения.

Я закричал, замахал руками. Они обернулись, на лице отца Удодерия отразилось изумление и облегчение.

– Ваша светлость! А мы поспешили вослед вам и нашим братьям...

Один из монахов пробасил:

– И не могли понять, куда все делись...

– Не тревожьтесь, – успокоил я. – Идите вот сюда.

Проходящие мимо торговцы опасливо заглядывали в новый проход, мы поспешно пропустили отца Удодерия и монахов вперед, дверь за нами захлопнулась.

Все трое громко ахнули, когда открылась исполинская пещера, но взгляды зацепились за фигуры работающих монахов под руководством отца Силеверстиуса.

– Отец Удодерий, – сказал я торжественно, – вы старший, берите бразды в свои руки.

– Что нужно делать?

– Всего-то погрузить на вот ту телегу вон те штуки, – объяснил я. – Телегу называют платформой, а те длинные стальные полосы – рельсами. Братья уже грузят, все правильно, но все равно следите. Мы такие, что-то да напортим с наущения Врага рода людского.

Монахи продолжали трудиться, я посматривал опасливо, а когда платформу погрузили до половины, вскинул руку.

– Стоп!.. Для первого раза – хватит. Потом посмотрим. А сейчас давайте выкатим в Тоннель...

Отец Удодерий распорядился быстро и уверенно, он раньше других ухватил идею поворотного круга, и когда платформу выкатили в Тоннель, размахивал руками и кричал, чтобы толкали только одну сторону, еще, еще... стоп, совпало!

Купеческий народ шарахался в испуге, лишь присутствие монахов удержало от паники. Торопливо прижимались к стенам, а когда монахи уперлись в платформу, а та стронулась с места, хоть и с великой неохотой, купцы закрывали глаза и шептали молитвы, отгоняющие нечистую силу.

Платформа сперва шла тяжело, потом разогналась настолько легко, что одни на ходу крестились, другие бормотали молитвы, а один из молодых ухитрился запрыгнуть наверх на груды рельсов и широко улыбался, счастливый от собственной безумной отваги.

Впереди несся Бобик, разгоняя народ. Платформа грохочет, монахи кричат, подбадривая друг друга, купцы едва успевают отпрыгивать, убирать коней, кого-то все-таки задела, сзади был крик и жалобное ржание, но впереди блеснул свет, начал приближаться и расширяться.

Я закричал предостерегающе, отец Удодерий заорал еще громче, в платформу вцепились, как муравьи в крупного жука, убегающего со всех ног, кое-как остановили у самого выхода.

Отец Силеверстиус покачал головой, перекрестился.

– Я сперва не понял, – сказал он чистосердечно, – зачем надо было остановиться! Совсем дураком стал.

Отец Удодерий пробормотал озабоченно:

– Если бы эта повозка соскочила...

– Ничего, – ответил я бодро, – вагами поставили бы на рельсы, не так уж и трудно, хотя попотели бы изрядно. И опыт сын ошибок трудных... Зато запомнили бы. Давайте прослежу, как будете укладывать. Расстояние между рельсами знаете, просто выдерживайте в точности, как лежат в Тоннеле. А вот костылями прикреплать я вас поучу...

Отец Удодерий смотрел в великом изумлении.

– Вы?

– А что? – ответил я бодро. – У нас это работа для благородного сословия! За честь забивать костыли в шпалы идет борьба, отбор жесткий! Это доверяется только членам королевской фамилии, детям герцогов и графов, в редких случаях допускают баронов, а то и виконтов, если совсем уж на безбароньи, но это если уж очень надо срочно, а объем работы большой.

Две рельсы уложили, между ними мерная доска, рабочие сгрудились, а я, взяв молот, лихо замахнулся. Отец Удодерий лично держит в клещах с длинными ручками железный костыль.

Первым ударом я вогнал чуть-чуть, намечая место, затем тремя забил так, что тот коснулся шляпкой основания рельса, а последним прижал плотно.

– Вот так, – объяснил я, – с обеих сторон каждой рельсы. Или каждого рельса, кто как хочет.

– А как правильно? – спросил отец Силеверстиус.

Я отмахнулся.

– Как начнете говорить, так и войдет в норму. Отец Удодерий, я жду второй костыль...

Укрепив рельсу на одной шпале, я передал кувалду рабочему, который внимательнее всех следил за моими движениями, и, оказалось, не ошибся. Тот сумел забить костыль, затратив на один удар меньше меня.

Я похлопал его по плечу.

– Еще не барон?

Он покачал головой.

– Нет, ваша светлость...

– Будешь, – пообещал я. – Труд – это дело чести, дело славы, дело доблести и геройства. Так сказал дядя Джо, а он знал, что говорит, когда принял королевство с деревянной сохой, а оставил... Отец Удодерий, если рельсы здесь сгрузят, я смогу с вами еще разок смотаться за новой порцией!

На второй раз платформу загрузили втрое больше, а чтобы столкнуть с места, пришлось воспользоваться рычагами, но потом снова все пошло настолько легко, что опять разогнали чересчур, а затем тормозили так, что из-под подошв повалил дым.

Отец Удодерий сказал устало, но со счастливой улыбкой:

– Ваша светлость, по таким штукам даже без паровоза перевозить легко!

– Сперва можно на конской тяге, – согласился я. – У нас тоже так было. Называлось конкой. Зато когда поставим паровоз...

– Что будет? – спросил он с опасливым восторгом.

– Увидите не только тягловую мощь, – заверил я, – но и скорость!

Отец Удодерий, как истый цистерианец, прошелся вдоль уложенных рельсов и тщательно промерил заготовленной меркой, похожей на швабру с длинными концами, расстояние между ними.

Лицо его становилось все задумчивее.

– Вас что-то тревожит? – спросил я любезно.

Он мотнул головой.

– Нет-нет... Просто подумал...

– Что?

– Если расстояние между рельсами сделать шире, – проговорил он с неуверенностью, – тележки можно будет делать просторнее... А это значит, груза повезут вчетверо больше.

– Думаете верно, – ответил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Вы взяли это расстояние наугад? Или были какие-то основания?

Я вздохнул, не зная, как объяснить, что вообще-то нет единого стандарта для ширины железнодорожной колеи. На Западе взяли размер между колесами обычной телеги, но когда к русскому царю пришли наши инженеры с вопросом, какой принять стандарт в России, вот, дескать, на Западе принята стейфенсоновская колея, но вообще-то узковата для России, не сделать ли шире... Шире, удивился резонно Его Величество, на хрен! И потому теперь в России железнодорожная колея на девять сантиметров шире международной.

– Основания веского не было, – ответил я, – но у нас редко когда что-то создается... заново, что ли. Расстояние между рельсами – это расстояние между колесами, что пойдут по ним. А между этими колесами абсолютно то же самое, что у привычных нам телег. Так что особенно не придется перестраивать промышленность. На рельсы поставим те же телеги с той же привычной тележной осью. У колес только чуть-чуть изменим краешек.

Он посмотрел на меня несколько странно, где восторг и сомнение перемешались, покачал головой.

– Ох, ваша светлость, – произнес он с тяжким вздохом, – вам бы к нам в монастырь... Такая светлая голова, а пропадает всего лишь на королевском троне!

– Не пропаду, – пообещал я. – Я почти монах, даже обет безбрачия блюду. Ну, служанки и прачки не в счет, как вы понимаете.

Он отмахнулся.

– Да кто обращает внимания на такие пустяки? О них даже в исповеди не упоминают. Ладно, будем придерживаться строго этого стандарта. Я о рельсах, как вы понимаете.

– Да-да, – согласился я. – Я тоже подумал именно о рельсах. Духовные люди, не какие-нибудь все прочие!

Глава 6

К нам подбежал суетливо невысокий, но крепкий монашек, поклонился, но без всякого смирения, глаза блестят от любопытства, весь дергается от жажды одновременно быть там, здесь и еще где-нибудь.

– Ваша светлость, заканчивается смесь из ракушек!

– Забывайте под шпалы гальку, – распорядился я. – Мелкие камешки и вообще все, что не гниет и не размывается дождями.

Он поклонился.

– Все понял. Будет сделано!

Отец Удодерий посмотрел ему вслед.

– Горят рвением... Но дело больно новое, будут ошибки.

– Будут, – согласился я. – Но все-таки старайтесь, чтобы тележка не соскакивала с рельсов. Поднимать непросто, особенно груженую. И следите особо, чтобы не размыло дорогу.

– Да, ваша светлость...

Вторую партию рельсов сгружали уже не монахи, а рабочие, а я вернулся в хитро скрытый склад, пересчитал рельсы. Увы, до Геннегау не хватит. В этом отсеке запас только для ремонта. Кроме рельс, два ящика с костылями, накладками для соединения рельс, прочей необходимой мелочью, но все именно ремонтное, для экстренной помощи, а выплавляют металл и делают рельсы в другом месте... которого теперь нет. Как и того места, где изготавливали паровозы, как их ни назови.

За два захода вывезли оставшиеся рельсы, костыли и накладки. Тележку сумели провезти по только что уложенным рельсам, что вызвало бурю восторгов.

Однако отец Удодерий и отец Силеверстиус рассматривали рельсы с самым озабоченным выражением.

– Ваша светлость, – сказал осторожно отец Удодерий, – вы думаете то же самое?

– Вы о том, что мало? – спросил я.

Он кивнул.

– Хватит на довольно большой участок, но насчет Геннегау нечего и думать. Однако меня тревожит другое...

– Как сделать еще?

– Да, – ответил он со вздохом. – Если собрать всех кузнецов города, откуют одну за неделю-другую. Но, боюсь, качество будет намного ниже.

Отец Силеверстиус проговорил глухо:

– И не в жисть не выдержать такие формы...

Я помолчал, оба выглядят подавленными техническим совершенством вообще-то обыкновенных рельс. Те в самом деле такие, не отличить одну от другой, товар совсем не штучный, а как их делать – непонятно.

– Вы недооцениваете своих собратьев, – сказал я. – И себя. Цистерцианцы всегда были лучшими в мире технарями. А сейчас у вас есть зримая задача и образец, который можно пощупать. Оставляю вас, отцы, на неопределенное время. Как вы знаете, хотя у человека нет ничего, кроме души, но почему-то приходится заниматься и такой хренью, как завоевание территорий или общение со знатными дураками!..

Они перекрестили меня вдогонку, божья собачка помахала им хвостом, и мы втроем понеслись в сторону Геннегау.

Я зарылся мордой в гриву и терпеливо переживал бешеную скачку, как называю из-за неимения других терминов, но это не скачка в привычном смысле, когда при каждом прыжке подбрасывает, потряхивает, бьет снизу в задницу...

Ветер дует со стороны города, Зайчик сбросил скорость, как только я увидел высокие белые стены и ощутил смердящий запах жареной рыбы на оливковом масле, ее готовят на больших сковородах чуть ли не на каждом углу. В воротах толчея груженных повозок, камни уже нагреты солнцем, стражи прикрывают глаза козырьком ладони, всматриваются в каждого въезжающего, передо мной стукнули копытами в землю.

– Ваша светлость!

Я помахал рукой.

– Бдите, бдите...

Перед королевским дворцом оруженосцы укрывают ярко-красной попоной коня графа Ришара, затем вскинули ему на спину тяжелое рыцарское седло с высокой спинкой, а сам граф довольно бодро спустился по ступенькам, уже в блестящих доспехах, только шлем гордый доверием паж преданно несет сзади.

– Ваша светлость, – сказал он церемонно.

– Граф, – ответил я с поклоном, мы же на людях, церемонии неизбежны. – На прогулку или охоту?

Он растянул губы в хищной усмешке.

– То и другое, ваша светлость. Пора в Брабант. Надо осмотреть войско, распределить, кому что и как, а еще и зачем. Неразберихи в таких делах много. Вас когда ждать?

– Как только подтянутся последние обозы.

Он кивнул.

– Да-да, мои дивные кони, которыми я так бахвалился, сильно уступают вашему черту, а еще коню сэра Ульриха. Ладно, догоните, когда вам будет удобнее.

Я соскочил на землю, мы обнялись, от графа уже заранее пахнет дорожной пылью и удалю приключений.

– Не завидуйте, – сказал он серьезно. – Постарайтесь переложить побольше дел на плечи помощников.

– Да где их взять?

– Это трудно, – согласился он. – Но как иначе?

– Граф, вы же справляетесь?

Он усмехнулся.

– Один? Не-е-ет, я ищу и нахожу тех, кто умеет некоторые вещи делать лучше меня. Но, конечно, общее руководство не упускаю.

Я открыл и закрыл рот.

– Да-а, как-то я даже не подумал. Мне казалось, граф, вы только на поле сражения... Но вообще-то большой разницы нет, у нас сраженья каждый день и час.

Ему подвели коня, он вставил ногу в стремя, оруженосцы дружно помогли ему подняться в седло. Граф весьма довольный, все еще обходится без седального камня, многие молодые и полные сил без него не могут, быстро разобрал повод и вскинул свободную руку.

– До встречи в Гандерсгейме!

– Успеха, граф! – сказал я. – Когда все будет готово, выводите войска. Я могу догнать уже и там!

Он кивнул, ничуть не удивившись, первые дни в Гандерсгейме пройдут вообще без стычек, на буферной территории даже трава растет неохотно, так что пройти придется немало миль, пока произойдет серьезная проба сил...

Копыта его коня простучали бодро и даже весело, но я смотрел вслед, чувствуя, как политик берет верх над удалым рыцарством. Снова эти постоянные и нескончаемые войны... Феодалы бьются друг с другом, а сообща свергают королей, но если королю удастся удержать власть и подавить смуту, он тут же нападает на соседей. Одновременно бастарды предъявляют пре-

тензии на королевский трон, могучие кланы и семьи выдвигают своих лидеров, готовых управлять королевством...

И это бесконечно из года в год, из века в век и даже из тысячелетия в тысячелетие. Кажется, нет силы остановить это бесконечное кровопролитие, эти войны, эту резню везде и всюду, эту кровавую бессмыслицу, когда все режут друг друга за справедливость, за воцарение законного короля, за восхождение на трон законного наследника, что десятки лет где-то жил в лесной хижине, понятия не имел, чей он сын, но его уже готовы посадить на трон, щас он науправляет!

Тысячи умов все века ломали головы, где найти силу, чтобы та остановила эти войны. Только единицы прозревают, что так жить нельзя, это неправильно, нельзя затевать кровавые перевороты и всеобщую гражданскую войну только ради того, чтобы сместить с трона одного короля и посадить другого. И что нельзя нападать на соседнее королевство только для того, чтобы расширить свое, при этом обрекая на нищету, голод и вымирание свой же народ.

И все-таки те немногие, что прозрели, сумели вызвать к жизни христианство, которое в самом деле может покончить с этим безумием. И дело не в его миролюбии, а в том, что впервые удалось создать силу выше королевской и даже императорской! И раз так, то разрозненные и вечно враждующие и воюющие королевства подчиняются больше церкви, чем королям, и если церковь укрепилась достаточно, к примеру, в двух королевствах, то не позволит им воевать друг с другом.

Если, конечно, церковь будет прочно стоять на задних конечностях и грозить королям не только пальчиком, но и тяжелой дубиной.

Моя задача – укрепить ее настолько, чтобы не только порицала войны и старалась запретить луки и арбалеты, но и могла это сделать.

Меня суетливо приветствовали, коня ухватили под уздцы, а Бобик уже исчез, держа нос по ветру, справа и слева пошли богато одетые люди, кланялись и что-то говорили угодливыми голосами, но в моей голове стучало неотвязно: что воля одного человека? Она в состоянии не только завоевать мир, но и на некоторое время удерживать громадные империи в одном кулаке. Но погиб Александр Македонский, и рассыпалась его исполинская империя. Умер Чингис, погиб Аттила, и ничего не осталось от их завоеваний.

Зато церковь вечна. По крайней мере, в сравнении с человеческой жизнью. Не знаю, так ли замышлял создатель христианства Павел, но только она способна удерживать государства воедино вне зависимости, какие короли там сменяются, какие интриги плетут и какой из бастардов добывается трона.

Похоже, только я один понимаю, какое великое дело церковь может совершить, если не мешать ей укрепляться. А лучше устранять всяческих мешателей. Хотя бы самых активных.

В честь возвращения майордома – целый день отсутствовал! – устроили праздничный ужин. На стол подавали целиком запеченных кабанов, оленей, вино лилось рекой, музыканты дудели и били в бубны, а в завершение устроили танцы, чинные и неторопливые, когда фигурки сходятся и расходятся, как в старинных часах.

Я насыщался, не глядя, в голове рой идей, с отбытием ватиканцев как будто плотину прорвало, даже руки дрожат от нетерпения переделать все и сразу.

В толпе я увидел странный диссонанс: человек в черных доспехах, забрало поднято, можно рассмотреть смуглое лицо, хищный нос и широкие черные брови. Он не двигался, только взгляд перебежал по танцующим.

Я поглядывал на него с беспокойством, за спиной раздался веселый голос:

– Кого рассматривает с таким вниманием мой лорд?

– Да так, – пробормотал я.

Арчибалд Вьеннуанский, веселый и белозубый, единственный сын могущественного лорда Чарльза Фуланда, встал рядом, веселый и пропахший вином настолько, словно искупался в нем.

Я медленно отхлебывал из чаши, вино потеряло всякую сладость. Арчибалд проследил за моим взглядом, потом посмотрел на мое лицо, охнул.

– Да что случилось?

– Пока ничего, – ответил я тихо. – Кто вот тот в черном?

Он повертел головой.

– Где?.. Сэр Мелантип?

– Прямо смотрите, – сказал я и показал взглядом. – Вон тот.

Он медленно начал трезветь, лицо побледнело, а голос дрогнул.

– А каков он?

– В черных доспехах, – сказал я. – Ростом с меня. Лицо злое, брови черные...

– В доспехах? – переспросил он. – Здесь? Это невозможно...

– В доспехах, – подтвердил я мрачно. – И почему на него не обращают внимания?

– А глаза? – спросил он быстро. – Какого цвета?

– Отсюда не видно.

Он сказал поникшим голосом:

– Да это и неважно. И так понятно...

– Кто это?

– Черный Гость, – ответил он. – Вы уже поняли, мой лорд, его видите только вы. Боюсь, это предвещает большие неприятности.

– Для него?

Он покачал головой.

– Для того, кто его видит. Это очень нехорошая примета. Второй раз покажется, когда придет забирать вашу душу. Увы, это будет скоро.

– Уверен?

– Всегда так было.

Я со стуком опустил кубок на столешницу.

– Он кто, языческий божок? Еще не знает, что мы разорвали эту цепь бесконечного круговорота?.. Ладно, пусть появляется. Раз я не язычник, на меня его власть не распространяется.

Арчибалд промолчал, во взгляде глубокое соболезнование, как-то ощутил, что, несмотря на мою браваду, мне страшно и одиноко.

– Что прикажете, мой лорд?

Я поднялся, суровый и собранный, ответил жестким мужественным голосом, в котором даже сам почти не заметил дрожи:

– Ничего. Всем отдыхать, но с утра – за работу. У благородных рыцарей, сэр Арчибалд, тоже есть обязанности и полезные для общества нагрузки. А я на время покину вас...

– На время пира?

Я поморщился, сделал неопределенный жест и вышел из зала. За мной увязались несколько человек, но я шел очень быстро и целеустремленно, никого не замечая, и все постепенно отстали.

Из здания я вышел один, за время пира небо выгнулось высоким звездным сводом, верхушки домов серебрятся легким туманом, деревья окутаны легким призрачным светом. На западе догорают последние угли небесного пожара, а когда погасли, над миром простерлась ночь.

Ко мне поспешили испуганные слуги, я велел резко:

– Седлать Зайчика!

– Ваша светлость, – вскрикнул кто-то, – на ночь глядя?

– Ночь, – ответил я, – хорошее время.

Сам понял, что брякнул не то, она хороша больше всего для воров и для тех, кто ходит к чужим женам, но слуги послушно ринулись к конюшне.

Примчался Бобик, в ночи глаза горят страшным красным пламенем, и сам как сгусток первородной тьмы, но всем помахал хвостом, на меня уставился в ожидании: куда?

– Далеко, – ответил я. – Как ты и любишь.

От дворца хлынул яркий свет, это распахнулись двери, по широким ступенькам быстро сбежали барон Альбрехт, сэра Палант и начальник дворцовой стражи. За их спинами выглядывало встревоженное лицо Куно.

– Сэр Ричард! – вскрикнул Торрекс. – Вам нельзя ехать ночью!

– Почему?

– Мы не успеем собрать отряд сопровождения!

Я сделал отметающий жест.

– Сэр Торрекс, пора привыкнуть, что я не нуждаюсь в свите.

Барон Альбрехт рассматривал меня внимательно, сам он готов выступить в долгую дорогу хоть сейчас, но ему кроме Гандерстейма ничего не придет в голову, а Палант спросил почтительно:

– В Брабант?.. Вы обгоните графа Ришара на полпути...

– Нет, – возразил я, – чем в Брабанте заниматься две недели?

– Тогда...

– В Тараскон, – пояснил я.

Палант разинул рот в удивлении, Альбрехт поинтересовался:

– Корабли?

– Пока только порт, – сказал я. – И, конечно, башни на входе в бухту. А потом и флот построим...

Зайчик выметнулся из конюшни черный и блестящий, как отлитый из черной смолы, радостно заржал, раздувая огненные ноздри. Роскошная черная грива метнулась из стороны в сторону, он потряхивал головой, как пес, но у того лишь звучно хлопают уши, а у этого черная, как ночное небо, грива вздымается красиво до мурашек по коже.

Двое конюхов висели на его удилах, улыбки вымученные, Зайчик вскидывает голову, и ноги обоих отрываются от земли, но делают вид, что все нормально, все под контролем.

– Я люблю тебя, – сказал я ему с чувством. Бобик тут же ревниво вклинился между нами, стараясь отеснить меня от его соперника. – И тебя люблю, чудовище... В самом деле люблю, правда-правда!

Подшли еще рыцари, я отдавал последние распоряжения, Бобик испрыгался в жутком нетерпении, чуя далекое путешествие, обожает их почти так же, как вылазки на кухню, но из здания выбежал сэра Жерар и зашпешил ко мне с крайне озабоченным выражением лица.

– Ваша светлость, – заговорил он с ходу, я сразу насторожился, ибо «сэр Ричард» – это у нас как бы указывает на принадлежность к общему рыцарскому братству, а «ваша светлость» звучит как напоминание о моих обязанностях сюзерена. – Ваша светлость, перед отбытием... гм... может быть, укажете, какие меры предпринять против Ночного Охотника?

Я спросил настороженно:

– Что за?..

Он развел руками.

– Никто не знает. Никто не видел. Но уже третий день... вернее, ночь, на улицах города остаются по два зверски изуродованных трупа. Похоже, это не человек, даже одержимый безумием, а некий зверь.

Я спросил раздраженно:

– А куда смотрит городская стража?

Он ответил с поклоном:

– Вчера ночью как раз и погибли. Двое, они всегда ходят по двое... Обоих утром и нашли.

Внутренности разворочены, будто в них что-то искали. Исчезли сердца и печень.

– Съедены? – спросил я.

Сердце заныло, словно и к нему уже протянулись из ночи страшные лапы.

Сэр Жерар наклонил голову.

– Скорее всего. Крови целые лужи, даже на стенах. Ночной зверь, похоже, ушел невредим. Горожане в панике. Если и этой ночью на улицах будет такое же, уже не только горожане, но и ночная стража устрашится выходить.

– Удвойте, – велел я. – Пусть ходят по четверо. Для начала. Если у зверя рацион всего двое в сутки, оставшиеся хотя бы увидят, с чем имеем дело. А животных жрет?

– Только людей.

– Гурман... Хорошо, срочно соберите рыцарей, кто еще способен взобраться в седло. И принесите план города.

– Сюда?

Я ответил со вздохом:

– В кабинет. Похоже, эту ночь проведу в Геннегау.

Глава 7

В комнате воздух уплотнился от запаха растопленного воска. Свечи горят все, люблю яркий свет, на столе карта города, над которой нависли головы моих лордов.

Слуга принес сладости и легкое вино. Я ощутил по сильному чувству голода, что уже долго прикидываем, как нам понять, с чем или кем имеем дело.

Сэр Растер распустил ремень на животе, проворчал:

– И что решим?

– Если не удастся справиться ночной страже, – сказал я наконец, – придется выйти нам.

Он спросил с недоумением:

– Рыцарское ли это дело?

– Защищать народ? – переспросил я.

– Нет, – проворчал он, – делать то, что должна делать городская стража. Все-таки мы... к нам и требования повыше!

– Да, – согласился я, – мы на меньшее, чем драконы, не размениваемся, однако... что делать, если помочь простым стражам больше некому?

Растер проворчал:

– Ладно... Хотя и недостойно рыцарям делать работу простого люда. Допьем и пойдем? Я кивнул.

– Кстати, у многих есть амулеты на крайний случай... Полагаю, он пришел. Нам не нужна паника в столице на радость нашим врагам... Сэр Палант!

Молодой рыцарь вскочил, трепеща от усердия и счастья, что допущен на совещание военачальников столь высокого ранга.

– Ваша светлость!

Я протянул ему блестящий камешек на тонкой серебряной цепочке.

– Вы это помните?

Он поклонился.

– Такой же камешек был у сэра Клавдия.

– Это он и есть, – сообщил я.

Палант пробормотал:

– Но заключенный в нем демон выполнил задание, теперь это просто камешек...

– Да, – подтвердил я. – Всех нас выручил... даже спас, можно сказать, заключенный в нем демон. Берите, теперь вы его владелец. И он все так же с демоном. Тем или другим, не знаю. Используйте без колебаний, когда придет нужда. Думаю, тот вихревой демон сумеет справиться и с Ночным Охотником.

Палант протянул руку, но тут же отдернул.

– Ваша светлость... у сэра Клавдия остались наследники.

– Они унаследуют его земли, – прервал я нетерпеливо. – Личные же вещи переходят к его близким друзьям.

Он переступил с ноги на ногу.

– Да, я был его лучшим другом. Однако неловко...

– Берите, – сказал я властно.

Палант без необходимости преклонил колено, принимая столь ценный дар, поцеловал мою руку и скромно отступил в задние ряды.

– Сэр Арчибальд, – подозвал я, – этот амулет, как мне объяснили знатоки, может вызвать сильный ветер... на некоторое время. Не знаю, как и где это может пригодиться, но вы человек умный и продумывающий все вперед, сумеете им распорядиться не впустую.

Арчибальд, очень польщенный, принял амулет с выражением глубочайшей благодарности. Я кивком подозвал барона Торрекса.

– Вам жалую вот этот амулет. Он вызывает снег в любое время года, может заморозить воздух и даже крупного зверя превратить в сосульку.

Альбрехт наклонился к моему уху и шепнул:

– Откуда у вас столько чудесных вещей?

– В Гандерсгейме ими завалили, – ответил я с аристократической небрежностью. – Там их, как камней при дорогах. Для вас тоже кое-что припас...

– Что?

– Этот камешек увеличивает скорость любого коня под вами втрое.

Он улыбнулся.

– Не забываете, что я еще и лошажник?

– Хороший правитель, – напомнил я, – должен все помнить о своих соратниках. Дорогие друзья, вот еще куча амулетов, но так как я вас не привлекаю в обязательном порядке идти со мной и ловить этого Ночного Охотника, то разбирайте сами. Это военная добыча, так что все законно. Не украл, не подобрал, а честно убил и взял.

Стараясь не выказывать жадной заинтересованности, они приблизились к столу и рассматривали амулеты.

Сэр Жерар поинтересовался осторожно:

– Ваша светлость, большинство из них вижу впервые! Какой обладает каким умением?

– Если бы я знал, – ответил я честно. – В Гандерсгейме, возможно, свои разновидности демонов. Как я понял, здесь сегрегация просто чудовищная. Берите, берите! Сэр Растер, не хапайте кучу, у вас ладонь загребущая, знаю. Пусть и другим останется. Словом, мы вооружены так, что должны справиться с любым монстром! Не так ли?

Барон Альбрехт сказал предостерегающе:

– Погодите-погодите!.. Откуда он вдруг появился? То не было, а то вдруг?.. Именно когда мы здесь?

Арчибальд первым понял, на что намекает барон, сказал посуровевшим голосом:

– Боюсь, вы правы, барон. Скорее всего, монстр появился не сам по себе.

Сэр Растер прогудел досадливо:

– Да какая разница? Надо быстрее выйти, ночь же на дворе, встретить и убить.

– Погодите, сэр Растер, – сказал я. – Если это дело рук сторонников короля Кейдана, то будут пакости и дальше. С другой стороны, если вычислить вызывателя, можно будет заставить вернуть это чудище в ад.

– А если не согласится? – спросил наивно Палант.

Барон Альбрехт посмотрел с симпатией на его чистое юное лицо.

– Здесь глубокие темницы, – сообщил он мрачно. – И весьма умелые палачи.

– Не разбежались? – спросил сэр Арчибальд.

– Совсем наоборот, – ответил барон. – Понимают, с нами без работы не останутся.

Я выехал на Зайчике, барон Альбрехт на быстром скакуне, сэр Арчибальд и Альвар на таких же поджарых лошадях, даже барон Торрекс оставил охрану дворца на эту ночь.

– Езжайте на площадь, – сказал я, – догоню.

За высоким каменным забором слышны звонкие щелчки тетив по кожаным рукавичкам, довольные или огорченные вскрики, быстрый и напористый голос Асмера.

Я одолел соблазн направить коня прямо через забор, мы чинно въехали в ворота. При свете факелов десятка два лучников усердно упражняются, держа тяжелые луки на вытянутых руках, а пятеро стреляют в широкие мишени на дальнем конце.

Асмер весело покрикивает, передвигается с одного конца стрельбища на другой с удивительной скоростью, лицо живое, выражение постоянно меняется, словно сам не в состоянии зафиксировать какое-то одно.

Я засмотрелся, он редко бывает не в духе. Сейчас, как и обычно, полон жизни.

– Асмер!

Он оглянулся, заулыбался широко и довольного, исчез на том конце и оказался передо мной, а между этими двумя Асмерами лишь осталась быстро растаявшая полоска тумана.

– Ого, какие гости!

Я соскочил на землю, мы обнялись, я спросил:

– Ты как?

Он ответил счастливо:

– Скучаю по Зорру. Это хотел спросить? Но никуда отсюда не поеду. Почему-то так нравится этих дураков учить... Я даже не знал, что мне такая блажь понравится.

– Почему ночью?

– И ночью тоже, – поправил он. – Ночью вообще-то не так жарко. Днем гоняю до седьмого пота, а ночью...

– Только до пятого?

– Угадал.

– Как новые луки? – спросил я.

– Бесподобны, – заверил он. – Весят прилично, стрелы для них трехфунтовые, новички сперва обливались потом, поднимая их и накладывая стрелу, но зато теперь... Где ты их берешь?

– Поставляют из Армландии, – сказал я, – и моего далекого Амальфи. Да, есть у меня такой замок. Первый из... А как сами лучники?

Он сказал с усмешкой:

– Здесь, можно сказать, выпускники. А новички вон там...

На той стороне большая группа молодых парней упражнялась с камнями, большая часть держит их в растопыренных руках и выпучивает глаза от усилия продержаться как можно дольше.

– У тебя стофунтовый лук, – сказал я. – Совсем ошалел?

Он расхохотался.

– Пятидесятифунтовые, как ты заказал, – самое лучшее. Стофунтовый вообще мало кто натянет.

– Разве что Одиссей, – согласился я. – Асмер, не хочешь прогуляться вот прямо сейчас? Ночью?

Он разом посерьезнел, лицо неуловимо быстро стало строгим.

– Никак лично изволите искать Ночного Охотника, ваша светлость?

– Асмер, – сказал я мрачно, – если иронизируешь, пошел в задницу. Если всерьез, в ней и сиди. Я для тебя и старых друзей не «ваша светлость», а Ричард. Даже без «сэр». Так ты едешь?

Он кивнул, не сводя с меня серьезного взгляда.

– Мои стрелы догонят любого, – ответил он кратко. – Ночной он, дневной или вечерний.

Уже вдвоем мы догнали наш маленький отряд, на Асмера покосились ревниво, не рыцарь даже, а дружит с их лордом, но через несколько минут уже все общались на равных, а я вертел головой, высматривая в ночи опасность, прислушиваясь и приносясь.

Прямо перед нами харчевня, двери распахнуты, окна светятся и в цирюльнях, по дороге попались пара лавочек, что торгуют и ночью, а еще на улицах то и дело встречаются выставленные из домов столы, за которыми мужчины играют, пьют, горланят песни, здесь душно от запаха жареного мяса, свежих лепешек, на широких жаровнях жарят рыбу, овощи...

Арчибальд проводил непонимающим взглядом водоноса, что, сгибаясь под тяжестью двух полных ведер, выкрикивает хвалу холодной чистой воде, что снимет ночной жар и даст ясность голове.

– Я б не сказал, – проговорил он в недоумении, – что город в такой уж панике.

– Безумной, – напомнил барон Альбрехт. – Так нам сказали.

– Да-да, именно безумной!

– Сэр Жерар всегда... слегка преувеличивает, – сказал Растер. – Чтобы мы побыстрее садились на коней.

Сэр Торрекс посматривал по сторонам настороженно, повод натянул, ладонь все время скользит над рукоятью меча.

– Похоже, – пробормотал он, – эти не страшатся Ночного Охотника. Но народу, конечно, стало поменьше. Заметили, совсем исчезли балаганы и танцоры?..

Растер буркнул:

– Там самый трусливый народ.

– Может быть, – предположил Арчибальд, – остались как раз те, у кого защитные амулеты на такой случай?

– Или сумасшедшие, – сказал Альвар хладнокровно. – Отважных везде хватает.

– Дураков, – поправил Асмер. – Отважные – это те, кто успеет сразиться с Ночным Зверем. А дураки погибнут, даже не успев понять, что случилось.

– Здесь хватает тех и других, – вставил Альбрехт. – Но как их отличить друг от друга?

– А зачем? – спросил Растер.

Альбрехт пожал плечами.

– Действительно, нам не все равно? Лишь бы налоги платили, как говорит наш сюзерен.

Мне почудилась насмешка, но рыцари посматривают весело, если и подтрунивают, то с уважением.

В темном звездном небе вспыхнула пурпурная точка, все вскинули головы, на лицах ни страха, ни удивления, проводили взглядом, как она понеслась вниз.

Падающая звезда, что удивительного, я тоже смотрел почти равнодушно, хвост звезды все расширяется, это понятно, грамотные, наконец звезда исчезла, коснувшись вершины одного из холмов за городом.

Я вздрогнул, там вспыхнуло яростное пламя, взметнулись красные брызги, затем осталась быстро остывающая красная лужа. Обычно болиды сгорают в воздухе, а этот смотри как... То-то иногда попадают всякие штуки из метеоритного железа.

Впрочем, это могло упасть нечто с багера. Или мегабагера, что движется выше обычных багеров. Упало... или было сброшено...

– Сэр Ричард! – вскрикнул Асмер. – В той части города крики!

Кони под нами рванулись раньше, чем мы успели ухватиться за поводья. Простучали копыта, все выметнулись на небольшую площадь, впереди сэр Торрекс несет с обнаженным мечом в руке, сэр Арчибальд взял копьё на изготовку, а наши армландцы опустили забрала, прикрыли левую сторону щитами и держат мечи острием вперед, высунув по-парфянски из-за щита на треть.

Я вылетел на площадь первым, за мной простучали копыта коней Арчибальда и Паланта. Еще сэр Торрекс не успел остановиться так же быстро, как я, вылетел на середину площади и оглядывается с глупым видом.

Массовая драка, красильщики и плотники что-то не поделили, схватка идет артель на артель, вопли, ругань, крики, кто-то уже ползает в крови, собирая выбитые зубы.

Сэр Арчибальд брезгливо наморщил аристократический нос.

– Пьяное быдло...

– Это наше быдло, – заметил сэр Торрекс желчно. – И, как видите, доверяет нам защиту.

– Да, – кисло согласился Арчибальд, – это комплимент.

– Поехали отсюда, – предложил барон Альбрехт. – А то меня тошнит.

Драка приостановилась, но едва мы покинули площадь, за нашими спинами вопли разразились с новой силой.

– Мы как ангелы-предохранители, – проворчал Торрекс. – Все гуляют, презрев опасность, только мы черт-те чем занимаемся.

Арчибальд поглядывал по сторонам, наконец пробурчал раздраженно:

– Мы их охраняем, а они нас побаиваются! Почему? Я им всем улыбаюсь так приветливо...

– Попробуйте поднять забрало, – посоветовал Палант.

Глава 8

Я остановил Зайчика, откуда-то издалека доносится еще крик, потом такой же совсем с другой стороны. Рыцари настороженно прислушивались, руки то и дело дергаются в рукоятях мечей.

Я сказал неохотно:

– Придется разделиться. Мы не сможем охватить весь город, а этот Ночной Охотник не обязательно появится в центре.

Рыцари переглянулись, Растер прогудел:

– Хорошая мысль. Нам даже не надо ездить по двое. О мои доспехи любой Ночной Охотник сломает зубы.

Железа на нем хватило бы на доспехи трем рыцарям, однако носит эту тяжесть с легкостью, будто родная кожа. Из оружия у седла наготове боевой топор, что разумно, им куда проще раскалывать стальные панцири и крушить шлемы, чем красивым мечом, но для охоты на Ночного Охотника... даже не знаю, может быть, стрелы Асмера надежнее.

Или лука Арианта. Хотя болты моего арбалета тоже могут решить проблему... если, конечно, удастся поймать этого Охотника в прицел.

Время от времени мы слышали звонкий цокот стальных подков о булыжники, поспешно поворачивали коней в другую сторону, чтобы не собираться в одном месте, оголяя другие участки. Вообще-то все слишком хаотично, надо бы сперва разбить город на районы, чтобы каждый охранял свой и не залезал в чужие огороды...

Я бдил, Зайчик тоже настороженно шевелил ушами, только Бобика нет, последний раз его видели на кухне в обнимку с огромным окороком ветчины.

На востоке сперва чуть посветлело, наконец начало розоветь, словно щечки юной девушки, услышавшей шуточки сэра Растера. Из дальнего переулка выехал мрачный сэр Арчибальд Вьеннуанский, слишком красиво одетый для ночного дозора, хотя всегда одевается ярко и пышно.

– Ваша светлость? – крикнул он.

Я покачал головой.

– Ничего.

– А у других?

– Везде тихо, – ответил я. – Значит, пусто. Думаю, можно возвращать наших героев.

Он вскинул к губам боевой рог, трижды протрубил коротко и требовательно. Вскоре из улиц и переулков начали появляться сумрачные рыцари. Кони под ними всхрапывали и роняли желтую пену, словно всю ночь мчались вверх по холмам, рыцари переглядывались, мотали головами с кислым видом.

– Мы что-то сделали, – спросил у всех Арчибальд, – или нет?

– Вроде бы жертв сегодня не было, – ответил барон Альбрехт. – А так вообще не знаю...

– Или были? – прогудел Растер. – Возвращаемся... Возвращаемся, сэр Ричард?

Я кивнул.

– Да. Хотя бы узнаем, не зря ли всю ночь ездили по улицам или же Ночной Охотник все же решился... Он мог сам стать добычей! Возможно, эта тварь поняла больше, чем мы думаем.

Барон Торрекс стегнул коня и понесся галопом к дворцу. Когда мы подъехали к воротам, навстречу выбежали сонные слуги, разобрали коней, а сэр Жерар на правах личного секретаря пригласил всех в мой малый зал, куда уже заносят еду и напитки.

Все мрачно насыщались, разговоры текли вяло, говорить вообще-то не о чем: всю ночь ездили взад-вперед и кругами, пугали одиноких охотников до чужих жен и мелкое ворье, не очень-то достойное занятие для благородных рыцарей...

Снизу донесся испуганный крик, вопила женщина, тут же заорали и другие, уже и мужчины.

Я вскочил, хватаясь за меч, рыцари отшвыривали стулья и с оружием в руках бросились к выходу.

Дверь распахнулась, показалась толстая задница Бобика. Он тащил нечто, натужно упираясь лапами, его добыча застряла было в проходе, но он рванул на себя, и в комнате оказалась туша вдвое больше Адского Пса с бессильно волочащимися лапами с длинными, алмазно острыми когтями.

Рыцари с мечами в руках окружили, глаза неверящие, а Бобик наконец разжал челюсти и сел. Хриплое дыхание наполнило комнату, грудь ходит ходуном, на холке две глубокие кровавые раны с запекшейся кровью, глаза все еще горят адском огнем.

– Бог мой, – вырвалось у Арчибальда. – Это же...

Он умолк, не решаясь выговорить, сэр Растер мрачно бухнул:

– Ночной Охотник. Голову даю...

Я присел к Бобику, обнял, а сам с содроганием рассматривал задушенного зверя. Рыцари побледили, крестились, шептали молитвы. Ничего похожего на земле не существует: сплошные зубы, а ноги, как у гигантского кузнечика или жука-прыгуна, что скачет за счет мгновенного повышения кровяного давления.

Даже сейчас видно по тугим продолговатым мускулам, что невероятно быстр, непропорционально скор, словно и при таких размерах сохранил подвижность муравья.

– Прodelки магов, – обронил барон Альбрехт холодно и перекрестился. – На земле такого нет.

– Откуда знаете? – спросил сэр Арчибальд.

– Видно же, – резонно сказал барон. – Это не зверь, а проделка дьявола! Или чернокнижников. Не всех, видать, сожгли. Больно добрый у нас сюзерен.

Я промолчал, меня начало слегка знобить, все смотрели то на чудовище, то на Адского Пса, а сэр Растер осторожно прикоснулся к его массивной голове.

– Сэр Бобик, – сказал он с чувством, – я сам принесу вам из кухни самое лакомое, на что укажете! Ваша светлость, нельзя ли ему пожаловать рыцарское звание?

– И сразу барона, – поддержал Арчибальд, и было непонятно по голосу, острит или всерьез.

– Или хотя бы виконта, – предложил Палант с надеждой в голосе.

– Я, конечно, немножко калигулист, – ответил я, – но пока еще не настолько, да. Тот все-таки был императором... Потому пусть пока побудет просто Бобиком. Это даже выше, если посмотреть с правильной стороны. Баронов у нас хоть лопатой выгребай, а Бобик – один!

Сэр Жерар сказал деловито:

– Я распоряжусь насчет шкуры? Пусть сделают чучело, поставим где-нибудь в зале.

– И скажем, – добавил барон Альбрехт ехидно, – это мы завалили.

Бобик лизнул меня в лицо, я с облегчением видел, как угасает огонь в глазах, а дыхание приходит в норму. На месте ран уже толстая кровавая корка, исхудал за ночь от большой потери крови, наверстает сегодня же на кухне.

Рыцари обсуждали задушенного зверя, а я закрыл глаза и так сидел несколько минут. Даже собака разуверилась во мне и сама отправилась защищать наш город, хотя это я должен был найти и убить подлую тварь.

– Во что превращаемся? – спросил я со стыдом. – Приемы, пиры, танцы, еще какая-то хрень... А подвиги, стыдно сказать, совершает домашняя собачка!

Сэр Жерар сочувствующе кивал, как и все, но едва я закончил, спросил деловитым голосом:

– Кстати, ваша светлость, что намерены делать с пожалованной вам Землей Дьявола?

Я поморщился:

– А я должен?

Он несколько смешался, пробормотал виновато:

– Ну, раз уж вы приняли титул рауграфа...

– И что? Я просто не стал отказываться, вот и все. Пренебрег. Пусть и рауграф, мне что, жалко?..

– Так, значит...

Я чувствовал, что нарождающаяся злость не даст мне провалиться в депрессию, вообще-то мне совсем не свойственную.

– Сэр Жерар, – произнес я холодно и трезво, – я вижу, как судьба через множество людей и мелких событий старается связать мне руки. Ну, как преуспели лилипуты с Гулливером! Все это множество мелких и мало к чему обязывающих званий и титулов – те же нити, веревки и канаты. И вот утону в этих разновидностях графов, в смысле – повешу все титулы на грудь, как звезды, и буду ходить, выпячивая пузо. Там, кстати, тоже есть место. И вот успокоюсь и разжирею, сытый и довольный...

Он смотрел внимательно, запоминая и стараясь вникнуть в мою логику, все-таки личный секретарь должен на ходу угадывать пожелания хозяина, но со мной получается трудновато, я как норовистый конь, сам не знаю, в какую сторону лягну через мгновение.

– А вот хренушки, – закончил я. – Я злой, и память у меня хорошая. Уже старость скоро, а я что успел сделать? Александр Македонский ого-го что успел, даже Цезарь в моем возрасте уже во всю рубиконил... Жребий брошен! Звучит... Так что таскание бабс в постель – это не для меня. Если уж кого поймать, то соседнее королевство.

Он скупо усмехнулся.

– Да, это как раз ваше... Но вам надо задержаться еще. В Тараскон пока рановато.

Я отрезал:

– Нет! Я уже отравлен этими миазмами! И вообще всей этой жизнью. Если задержусь еще хоть чуть, черви начнут жрать меня заживо. В Тараскон!.. К морю. Океану!..

– Флота еще нет, – сказал он холодно. – Его даже не начали строить, если вам это неизвестно.

– Начали, – возразил я. – Со всего королевства в Тараскон везут лес, пеньку, канаты и все-все, что заказал Ордоньес. А я посмотрю там, как возводят сторожевые башни. Армия еще пару недель будет собираться в Брабанте, потом еще сколько ждать обозы! Нам тащить с собой все необходимое, пока не захватим достаточно крупные города с их обширной продуктовой базой.

Арчибальд заметил:

– Когда вторгнемся в сам Гандерсгейм, первые дни пройдут без всяких боев...

Барон Альбрехт кисло усмехнулся.

– Ну да, это понятно. В такой зоне никто не селится.

– Точно, барон, – сказал я. – Никто не хочет, чтобы по его селению пронеслась конница в пару тысяч человек... Неважно, в какую сторону. Потому лично у меня есть приличный запас времени, чтобы не думать о Гандерсгейме. А вот строительством порта, охранных башен и закладкой больших кораблей можно и нужно заниматься немедленно!

Он с укором покачал головой.

– Стараетесь везде успеть?

– Барон, – сказал я, – посидите с мое в этом дворце, аки соловей в золотой клетке! А я еще тот соловей. Каркну, самому тошно.

Я посматривал уже в нетерпении, сами догадаются разойтись, все-таки ночь без сна и в седлах, или велеть им оставить сюзерена, как сэр Жерар, поглядывая несколько смущенно, сказал почти просительно:

– Сэр Ричард, в кабинете Куно произошли перестановки. Правда, на самом низком уровне, но все-таки...

Я спросил раздраженно:

– И что? Это такой важный вопрос, что нужно докладывать мне? А Куно сам не разберется, что он и кого переставляет?

Сэр Жерар отвел взгляд в сторону, рыцари умолкли и заинтересованно слушали.

– Это не Куно переставил, – ответил он с заминкой.

– А кто? – спросил я непонимающе.

Он по-прежнему смотрел мимо меня, ответил так же деревянным голосом:

– Леди Розамунда.

Я охнул:

– Что?.. Да какое она имеет отношение?..

Он позволил себе чуть-чуть шевельнуть плечом.

– Вам виднее, сэр Ричард. Но именно она распорядилась убрать одного мелкого помощника и заменить другим. Это было три дня тому. Можно бы списать на случайность, но сегодня по ее слову взяли в его команду еще одного человека.

– А что Куно?

– Терпит, – ответил он. – Что он может?

Я сказал зло:

– Он многое может! Мерзавец, нарочито терпит, чтобы дошло до абсурда! Спасибо, сэр Жерар. Думаю, она действует с чьей-то подсказки. Ну не может женщина сама... Или может? Тогда это вообще не женщина. А я – полный дурак!.. Думал, если не таскаю ее в постель... Эх, что не даю по моей воле, добирает по своей!.. Черт, как все сложно и спрятано. А я уже почти привык жить честно.

Он проговорил, двигая одними губами:

– У Куно все останется без изменений?

– Надо напомнить Куно, – сказал я, – леди Розамунда существует для интерьера. Только! Она должна сидеть рядом и улыбаться. И еще чирикать. Щебетать. На приемах! Да, она очень неглупая особа и подобрала наверняка умнейшего человека, но этот умнейший может работать и на противника! Так что... я сам с этим разберусь.

Я говорил все раздраженнее, рыцари начали подниматься из кресел, я понял, что просто сильно устали, а сэр Растер помалкивает потому, что уже спит, запрокинув голову и бесстыдно распахнув широкогубую пасть.

Арчибальд задержался у двери, вид смущенный и чуточку недовольный, все-таки леди Розамунда – орифламмка, блюдет интересы своего королевства.

– Сэр Ричард, – пробормотал он с неловкостью, – ее уже начали принимать, как вашу королеву...

Я прервал:

– Сэр Арчибальд, леди Розамунда не моя – это раз, и не королева – это два.

Он пробормотал, смешавшись:

– Но когда все видят, что сидит рядом с вами...

Я сказал с досадой:

– Что я за дурак, что поддался на уговоры? Представляю, какие вокруг нас уже слухи...

Нет, это дело надо прекратить.

Барон Альбрехт тоже остановился у двери и сказал бархатным голосом:

– Прекратить нельзя. Неразумно. Леди Розамунда прекрасно выполняет свою роль.

– Но слухи? – огрызнулся я.

Он вскинул бровь.

– А вам что? За репутацию печетесь?

– Репутация правителя, – сказал я, – стоит дорого. Да и не в этом дело. Я думал, что если между нами будет дистанция, то это... эх, дурак я, дурак. Пусть между нами и нет ничего, однако ей никто не мешает уже сейчас вмешиваться в пока еще мелкие вопросы, пользоваться якобы влиянием на меня... в это наверняка верят.

Он вздохнул.

– Принимайте это как неизбежное зло. Пойдемте, сэр Арчибальд.

– Не хочу принимать, – процедил я сквозь зубы.

– А есть варианты?

Я сказал раздраженно:

– Найду.

Я поднялся, злой и униженный, волком посмотрел на барона.

– Пойдемте, сэр Альбрехт?

Он, морщась, повел плечами.

– Будете принимать жалобы? Мне кажется, не королевское это дело.

– Но и я не король, – возразил я. – К тому же опасно все передоверять вам, чистым душам. Кто-то дров наломает от излишней святости, кто-то воровать начнет без меры.

Он тяжело вздохнул.

– Нет идеальных решений.

Сэр Жерар закрыл за нами двери, подумал и пошел следом, почтительно приотстав на пару шагов.

Придворные торопливо расступались, образовав широкий проход, склоняли головы, мужчины поспешно срывали шляпы с голов и прижимали их к груди. Женщины грациозно приседали. Одни скромно опускали глазки и даже краснели, другие ловили мой взгляд и что-то пытались сообщить в ответ.

Барон скользил по ним заинтересованным взглядом, я смотрел прямо перед собой, слишком раздраженный этими веерами, наконец он спросил легким голосом, чересчур легким и непринужденным:

– Леди Розамунда теряет место рядом с вами? Кого-то присмотрели взамен?

– Пока нет.

Он сказал с укором:

– Всегда нужно предусматривать все заранее...

– Мало ли что нужно, – буркнул я. – А вот удастся ли?

Он проговорил медленно:

– А как вам леди Клеансия? Вы ее видели, она часто бывает с леди Розалиндой.

Он смотрел в ожидании похвалы, очень уж заинтересованно, я ответил как можно спокойнее:

– Не думаю, что могла бы мне понравиться. Разве что на плоту в открытом море? Да и то, если есть будет абсолютно нечего.

Он принужденно хохотнул, сказал с некоторой натугой:

– Да она такая аппетитненькая, что... даже и не знаю... окажись на плоту в открытом море, я бы начал есть в первый же день! А то вдруг спасут раньше.

Мы прошли зал, рослые стражи быстро и без лишних движений распахнули перед нами двери. Я коротко взглянул в их молодые и блестящие восторгом, горящие преданностью и верностью лица. Преданность и верность, мелькнула мысль. Без преданности и верности человек превращается в зверя. Даже если он умен, красив и обучен галантным манерам...

Глава 9

Ломал голову день, вечер, затем наступила ночь, а я то погружался в мягкое кресло, словно в теплое болото, то вскакивал и метался по клетке кабинета. И посоветоваться не с кем: каждый уверен, что я должен вот прямо щас жениться и тем самым снять кучу проблем.

Вообще-то правы, но я еще не настоящий правитель, что не может по любви, в этом я еще простолюдин, хоть и стыдливо помалкиваю. Рыцари, вечные романтики, провозглашают дамами сердца прекрасных и недоступных, а женятся на покладистых и с хорошим приданым.

В конце концов усталая мысль забрела, как водится, в дикие дебри, я начал мыслить глобально, это легче всего, бездельники это умеют и любят, даже самые-самые тупые глубоко-мысленно рассуждают, как нужно поступить правильно в масштабах страны и планеты, и что в правителях одни дураки и мошенники...

Похоже, я погорячился и насчет запретов на турниры. Конечно, гибель сэра Клавдия выглядит нелепой: не должен благородный герой многих сражений, из которых вышел невредимым, погибать в простом турнире, однако жизнь вообще несправедлива. Сколько гибнет под упавшим деревом, сорвавшимся со скалы камнем, перепив на пиру, свалившись в колодезь?

Конечно, я не должен умножать эти случайности, однако же не всегда даже церковь делает то, что задумал Господь. Она милосердна, что хорошо и понятно, однако Господь не только милосерден и справедлив, но еще и целесообразен. Правило «выживает сильнейший» все еще действует, а как только прекратит свой благодатный отсев, род человеческий загниет и постепенно выродится, уступив арену другим видам.

Когда в поединке, смертельном или нет – неважно, сходятся два бойца, победить должен сильнейший. Не обязательно по мышцам, победит умом – прекрасно. Для вида главное, чтобы потомство шло от победителя. Потому турниры прекрасно справляются с отсевом. Слабые, робкие, неумелые, больные – либо проигрывают, либо вообще не участвуют в соревнованиях.

Победители же, забирая коней и все вооружение с доспехами противника, становятся и богаче, и вообще значительнее во мнении общества. Их рейтинг повышается, у них больше шансов взять в жены лучшую из женщин, наплодить кучу детей и обеспечить лучший уход и образование.

Потому я, запрещая турниры, иду против эволюции, хотя церковь и обрадовал своим решением. Но, увы, хоть церковь все больше склоняется к милосердию, но я-то знаю, в каком все еще дерьме наш мир! И в каком окажется.

Я подпрыгнул на постели, вот такие зигзаги, или, как говорят интеллектуалы, зигзуги, приводят иногда к решению совсем других задач...

– Какой же я молодец, – пробормотал я ошарашенно. – Знал же, что умница и красавец, но даже не предполагал, насколько!

За окнами прокричали третьи петухи, а я так и не сомкнул глаз, ну да ладно, у меня потребность во сне минимальна, вылез из постели и торопливо оделся до того, как начали приходить первые из допущенных к этому важному действию.

Чтобы отец Дитрих не обиделся, что ему сообщили последним, я послал к нему гонца с известием о моем решении, а сам вышел в приемную и широким взмахом пригласил к себе моих военачальников.

– Дорогие друзья, – сказал я вдохновенно, – ко мне ночью явился светлый ангел.

Сэр Растер ахнул:

– Снова? Что-то зачастили к вам...

– Что значит «снова»? – спросил я с подозрением. – Всего один раз ко мне прилетало...

На что вы намекиваете, сэр Растер?

Он сказал довольно:

– Ни на что, сэр Ричард! Как будто я умею это самое... намекивать! Я сразу по рогам... Наоборот, это значит, у вас есть некая святость. Ангелы не только к самым закоренелым грешникам являются... думаю.

Я сказал твердо:

– Не так уж и важно, что вы думаете, сэр Растер, караван все равно идет. А с ангелом мы проговорили всю ночь, так что к леди Розамунде я так и не сходил, если вы на это намекиваете.

Арчибальд воскликнул пламенно:

– Ну еще бы! То ангел, а то женщина!

Палант вздохнул:

– Да, то ангел, а то такая женщина...

Глазки его стали мечтательно масляными. Растер толкнул его в бок и поинтересовался деловито:

– И что он повелел?

– Повелений не принимаю, – отрубил я. – Даже от Господа Бога не приму. Мы, рыцари, его соратники, а не слуги! Идем под его стягом добровольно, а не по принуждению... В общем, говорили долго, он меня убедил. Я такой, меня убедить просто.

Барон Альбрехт пробормотал:

– Тогда это точно ангел. Вас в чем-то убедить...

Арчибальд спросил жадно:

– Что он хотел?

– Доказывал, что в некоторых отдельных случаях турниры нужны и даже полезны.

Их лица разом посветлели, словно в комнату заглянуло солнце и осветило всех разом.

Сэр Растер деловито прогудел:

– Это надо отметить... Пиром в честь турнира, затем сам турнир, а потом пир в его честь.

– Хорошая идея, – согласился барон Альбрехт и посмотрел на меня. – Так, сэр Ричард?

А то сэр Растер изнемогает.

– Так, – согласился я. – Большой турнир. И еще одну штуку подсказал мне светлый ангел.

Они обратились в слух, лица обращены ко мне, уши заметно начали удлиняться.

– Победитель, – сказал я торжественно, – выберет королеву турнира!

Снова все застыли, сэр Арчибальд очнулся первым:

– Это... как?

– Просто подъедет к оградке, – объяснил я, – и укажет концом копыя, принесшего ему победу, на самую красивую, по его мнению, леди. Ее увенчают лавровым венком... нет, лучше золотой короной! Я велю ювелирам изготовить немедленно. Чтоб не путали с коронами другого ранга, сделаем что-то особое... ну, что-нибудь придумаем. Эта леди будет сидеть рядом со мной и улыбаться. В смысле, расточать. И обаивать.

– Обаять? – переспросил сэр Арчибальд.

– Да, – подтвердил я. – Только не разок, а все время. Такой выбор королевы турнира покажет высшее проявление демократичности устройства нашего правления. Выбираю не я, а любой из рыцарей, кто победит на турнире!.. Тем самым мы лишний раз подтверждаем... хотя не понимаю, почему «лишний», все рыцари равны перед Творцом!

Они слушали с серьезными лицами, глаза разгораются постепенно, сэр Арчибальд уточнил:

– Но на следующем турнире королева будет другая?

– Та же, – пояснил я. – А вот после него...

– Простите, оговорился.

– Но если победит тот же герой, – сказал я, – и если останется верен все той же даме сердца, то, конечно, останется прежняя. Хотя больше шансов, что королева будет другая.

Барон Альбрехт поинтересовался настороженно:

– Ее обязанности?

Я отмахнулся.

– Все то же. Сидеть по правую руку сюзерена и помогать ему принимать гостей... до следующего большого праздника, турнира или всенародного события... Сэр Жерар, составьте перечень таких празднеств.

Сэр Арчибальд добавил поспешно:

– Только список побольше, побольше!

– Чтобы королевы менялись чаще, – разжевал для непонятливых сэр Палант и облизнулся.

Арчибальд, воспитанный в старых традициях, хоть и бунтующий против них, сказал быстро:

– Сперва нужен список знатных семейств, из числа которых можно отбирать королеву турнира!

Сэр Растер прогудел недовольно:

– Ну, сэр Арчибальд... благородные рыцари и так не выберут простолюдинку или из семьи, прости Господи за бранное слово, купцов и или еще хуже – торговцев. А девочек в благородных семьях с детства учат вести себя пристойно и сидеть прямо. К тому же сэр Ричард, как я понимаю, предложил весьма мудрый ход. К королеве турнира никто не предъявит тех же требований, как к настоящей королеве. Так что некоторые шероховатости пройдут.

Барон Альбрехт встал, поклонился.

– Скажу без лести, наш сюзерен сделал ход... весьма, весьма. Рядом с ним всегда будет красота и женское очарование, а это поможет вести переговоры в хорошей, скажем так, обстановке. И даже позволит, замечу кстати, выторговывать некоторые добавочные льготы. Все-таки в присутствии красивой женщины все мы становимся мягче и податливее...

Сэр Жерар напомнил:

– Это все относится... относилось и к леди Розамунде. Кстати, что будет с нею?

Я посмотрел на него в упор.

– А что с нею?

Он пробормотал:

– Но она же...

– Что? – спросил я. – Вы говорите, сэр Жерар, так, будто о моей жене, что помогает править королевством!.. Не беспокойтесь за нее. За то недолгое время, пока сидела за мной рядом, сенмаринцы успели преподнести ей ряд богатых и весьма щедрых подарков. Просто так!.. За красивые глаза. Хотя глаза у нее все те же.

Барон Альбрехт рискнул проводить меня до выхода из зала, лицо очень задумчивое, поглядывает украдкой.

– Кажется, я понимаю, – произнес он, – почему вы вдруг решили разрешить турниры.

– Глупости, – заявил я твердо, отвергая заранее любые домыслы. – Турниры необходимы для воспитания здорового поколения.

– В здоровом теле здоровый дух?

– Точно!

– А королева красоты?

– Ее выберут рыцари! – отрезал я.

– Почему не вы сами?

– А у нас полная, – заявил я, – демократичность институтов, предельная и прозрачная выборность!.. Не все зависит от воли сюзерена, как могут говорить злопыхатели. Пусть увидят, что я бессилен перед народным рыцарским гласом, не в состоянии помешать или повлиять на выбор рыцарского населения!

Барон Альбрехт кивнул, лицо очень серьезное.

– Да, это очень большое ограничение власти правителя.

– Конечно, большое, – сказал я сердито. – И не надо, сэра Альбрехт, не надо!.. Я вижу вашу улыбочку под неулыбочкой!.. Все мы ближе к сердцу принимаем ущемления в личной нашей, с позволения сказать, жизни, хотя что это за жизнь?.. Но я вот принимаю!

Он кивнул.

– Да-да, сэра Ричард, никаких улыбочек. Я в восторге от вашего хода.

Я посмотрел с недоверием.

– Правда, что ль?

– Точно, – заверил он. – Всегда можете сказать женщине, что вам ее навязали, потому пусть сама подлизывается, чтобы понравиться. А вы будете капризничать и отказываться.

– Ну, – сказал я, – особенно отбиваться, может быть, и не буду, когда полезет ко мне в постель... Но, может быть, и буду. Посмотрим по обстоятельствам.

– Я как раз об этом и говорю. Мудрый ход!

Мы прошли по анфиладе залов, придворные почтительно склоняют головы, но не слишком, уже знают: низко склоняться надо, когда присутствуют иностранные послы, это для них, а мне самому эти знаки внимания почему-то даже неприятны, что любого сбивает с толку, а мне придает ореол загадочности.

– Граф Ришар отбыл, – напомнил я. – Барон, вам придется работать больше. Скоро я тоже отъеду в Гандерсгейм... тут кто-то должен оставаться тверд и непоколебим на страже наших идеалов.

Он посмотрел долгим прямым взглядом.

– Я?

– Больше никому, – ответил я искренне. – Вам нужно продержаться, барон, до нашего победного возвращения!

Он поморщился.

– Если вас не занесут черти куда-то еще по дороге.

– Барон, – воскликнул я с упреком. – Как можно говорить такое! Меня могут занести куда-нибудь к чертям только ангелы, я же паладин!

Он криво усмехнулся, отвесил церемонный поклон и остался на пороге, а я бодро и с прямой спиной сбежал по ступенькам навстречу солнцу.

Глава 10

Конюхи вывели под уздцы Зайчика, огромный и черный, словно из застывшей смолы, он грозно раздувал красные ноздри и потряхивал головой, перебрасывая пышную гриву с одной стороны на другую. Глаза блещут грозным весельем, чует дальнюю дорогу.

– Оседлать, – велел я.

– Надолго, ваша светлость?

– Никаких запасов, – распорядился я.

Бобик выметнулся с такой быстротой, словно уверял, что уже ожил и снова готов драться хоть с драконом. Я принял его лапы на грудь, позволил лизнуть в щеку, сам чмокнул в нос.

Арчибалд вышел следом, крикнул:

– Сэр Ричард, мне кажется, вам не стоит отлучаться!

– Почему? – спросил я.

Он сбежал вслед за Бобиком и сказал доверительно страшным шепотом:

– Мне снилась женщина...

Я отмахнулся.

– А что еще могло вам присниться?

Он сказал обидчиво:

– Нет, вы не то думаете! Женщины вообще-то к беде, а мне пригрезилась вообще не простая женщина...

– Ну да, конечно. С вот такими...

Он вскрикнул:

– Я серьезно! Это волшебница наверняка! Она спустилась на белых крыльях...

– Сны все врут, – сказал я убежденно.

Он вскрикнул:

– А как же вещице?

– Не бывает.

– Но разве Господь не посылает такие сны?

Я покачал головой.

– И что? Сатана влезает в них и так запутывает и разбавляет ложью, что лучше такой сон выбросить в помойку целиком.

– Жалко! – вскрикнул он. – Там такая женщина...

В нашу сторону заспешил, громыхая железом, как шагающая башня, довольный сэр Растер. Лицо сияет, в глазах азарт, идет хвастаться, как быстро и споро идет подготовка к турниру.

Я сказал поспешно:

– Берите пример с сэра Растера! Высокоинтеллектуальная и высокодуховная личность, но не выпячивает напоказ свои глубоко, очень глубоко упрятанные ценности. Потому и немногословен, как всякий мудрец, умеет говорить по-мужски кратко. Поинтересуйтесь его мнением по вашей проблеме.

И, подтолкнув его к довольно улыбающемуся Растеру, сам широко улыбнулся им и, вскочив на Зайчика, сказал быстро:

– Вперед! Не задерживаемся, не задерживаемся...

Перед воротами монастыря в самом деле оказались почти моментально, правда, он сразу за городом. Здесь денно и ночью строят, сообразно моим корявым чертежам, паровые котлы. Конструкция куда уж проще, монахи не перестают удивляться, как сами не додумались, всяк же видел, как подпрыгивает крышка над закипающей похлебкой. Даже послушники, которым нужно запоминать молитвы и блюсти строгий устав, зачарованно сбегаются к мастерским.

Отборная группа из инженеров, ремесленников, оружейников и кузнецов в самом спешном порядке строит паровоз. Собственно, паровоз – это тот же паровой котел на тележке, вся хитрость в том, чтобы силу пара передать на колеса и заставить их двигаться.

В прошлый раз я нарисовал криво и косо, поясняя сам принцип рычагов и кривошипов, а инженеры, быстро ухватив суть, сделали уже настоящие чертежи, уточнили размеры, и в мастерских с того дня всю кипит работа. Один из дежурящих священников периодически обходит работающих и окропляет святой водой детали будущего механического монстра. Не для монастырских, эти всегда за любые технические новинки, а ради приходящих рабочих. Для разговоров о нечистой силе лучше всего просто не оставлять почвы.

Монахи перехватили повод Зайчика, Бобика несколько раз перекрестили и на всякий случай побрызгали водой, но особо не страшатся, все в руке Божьей, а когда он, вскинув нос и понюхав воздух, сразу же вычислил, где тут кухня, монахи и вовсе перестали его побаиваться.

Ко мне вышел настоятель, отец Тибериус, настоящий цистерианец, глаза умные, взгляд цепкий, приветствовал легким поклоном.

– Ваша светлость...

– Отец Тибериус, – ответил я.

Он перекрестил меня, я благочестиво приложился к его мозолистой руке, здесь даже отец-настоятель любит сам поработать кузнечным молотом, ибо угодно Господу, а еще разгоняет застывающую в молитвах кровь.

– Пришли взглянуть, – спросил он, – как идут работы?

– И это...

– А что еще? Новую головоломку нам принесли?

Я подумал, признался:

– Вообще-то да, принес.

Он весь вспыхнул, словно стог соломы, глаза заискрились, спросил жадно:

– Что?

– Да так, – сказал я, – пустячок. Вы же знаете водяные мельницы...

Он кивнул, сделал приглашающий жест, мы пригнулись, чтобы не стукнуться о низкую притолоку, сделана такой нарочито, чтобы всякий склонял голову, входя, впереди протянулся длинный пустынный коридор, с обеих сторон множество дверей.

– Кто их не знает! – сообщил он запоздало. – На здешних реках трудятся испокон веков.

– И никто не считает, – спросил я, – что колеса крутит дьявол?

Он усмехнулся.

– Почему? Находятся... Сказки придумывают, легенды. Сам слышал о чертовой мельнице. В полночь собираются черти и до рассвета играют в кости. Но с такими болтунами даже бороться не стоит. Господь дал нам свободу воли.

Я поморщился.

– Бог, который нас создал без нас, не может спасти нас без нас. Мешает все та же свобода воли, о которой вы упомянули. Потому люди, которые говорят, что все в руке Божьей, лицемерят. Все в наших руках... таково было желание Господа.

– К сожалению, – произнес он со вздохом.

– Почему? – спросил я. Подумал, поморщился: – Вообще-то да. У нас такие руки, что...

Он вздохнул еще тяжелее, но голову вскинул и посмотрел на меня бесстрашными глазами.

– С другой стороны, есть и повод для гордости. Мы не рабы и не слуги Господа, а хозяева этого мира! Правда, хозяева неважные, но зато все, что сделаем хорошего, – наша заслуга.

– Но и все плохое, – уточнил я. – Что ж, приходится винить себя, а не Господа. Вообще-то ветряных мельниц побольше, чем водяных, а это такой источник энергии, без которого метал-

лургию не развить. Сейчас мехи качает человек, но если поручить водной мельнице, чугун выплавлять можно будет в больших количествах...

Он остановился посреди коридора, лицо стало очень серьезным.

– Вы говорили о ветряной, а сейчас перепрыгнули на водяную...

– Если бы ветер дул всегда, – ответил я с досадой, – когда нужно! Потому да, водяные... они всегда, как бриллианты. Железное литье не получит ни распространения, ни развития, пока мехи качает человек, верно? Но пока никто еще не догадался соединить мехи с давно существующими водяными мельницами!

Он подумал, кивнул, по ставшему сразу отстраненным лицу видно, какая гигантская работа закипела в мозгу. Я прислушался, за дверью сперва слышался шум, потом стало тихо, как зимой в горах, затем часто-часто затопали ноги.

– Да-а-а, – проговорил он сразу осевшим голосом. – Вообще-то я не уверен, что получится... но вы правы хотя бы в том, что никому такое и в голову не приходило.

– Получится, – заверил я. – У вас такие умельцы!.. Легкоплавкие руды здесь в изобилии на поверхности, для кузнецов и оружейников больше и не надо, но нам с вами придется заняться и тугоплавкими, отец Тибериус! А для этого придется зарываться глубоко. Кроме того, очень важно повысить температуру плавления.

– Штукофены? – спросил он.

Я кивнул. В Сен-Мари на окраине каждого города высятся эти штуки, прабабушки доменных печей. Чтобы повысить температуру плавки, местные умельцы делают их все выше, а я когда увидел в первый раз, принял за огромные термитники.

– Пока штукофены, – сказал я. – Потом придумаем и кое-что получше.

– А что, – спросил он жадно, – может быть лучше?

Насколько помню, для плавки металлов во все возрастающих масштабах были сведены леса в Европе. Первой облысела Англия, пришлось древесный уголь покупать на материке и привозить на кораблях, что дорого и трудоемко, пока Додлей не попытался применить в плавке каменный уголь.

Потом была долгая и упорная борьба за очищение каменного угля от серы, она портит железо, но прижатый к стене человек все преодолевает, и в конце концов доменные печи начали выпускать не только чугун, но и перedelывать его в сталь.

– Многое, – ответил я, – вы сами очень скоро придумаете... Лед тронулся! Давайте поглядим, что братья сейчас делают.

Он встрепенулся.

– Ваша светлость! У нас есть, чем похвалиться... прости Господи за недостойную похвальбу... но ведь в самом деле есть!.. Простите, что задержал... прошу вас вот сюда!

Он постучал в дверь, там распахнули, будто уже ждали нас. Комната большая, монахи выстроились в два ряда и, смиренно сложив руки на животе, склонили головы.

Я кивнул, но смотрел на столы, где разложены инструменты, начиная от грубых кузнечных и заканчивая мелкими ювелирными, и множество всяких железных штук.

Все мне знакомо, это я с первого же визита в этот монастырь принялся учить их делать то, что могут легко понять и повторить. Например, даже такую сложную вещь, как карманные или наручные механические часы, легко понять, сняв крышку и понаблюдав за работой. Ленточная пружинка, распрямляясь, торкает рычажок, тот пихает зубчатое колесико, то еще одно, а то – третье, последнее уже со штырьком, на котором закреплена стрелка. Всего-то и нужно, что периодически поворачивать внешний винт, заново натягивая распрямляющуюся пружину.

А уж часы-ходики с гирькой, что тянет вниз и поворачивает колесико, – проще простого!

Или такая вещь, как линзы. Ими пользовались еще в Древнем Египте, вытачивая из прозрачного кварца. Зажиточные люди с плохим зрением всегда имели их в домах, но прошла уйма столетий, пока некто догадался взять две линзы и посмотреть в одну через другую. Все

века этого никто не делал, потому что и одна искажает предмет, а две исказят до неузнаваемости, что на самом деле и происходит, если не подобрать очень точно расстояние между ними. А когда это открытие случилось, тогда уже сразу додумались вставить одну трубу в другую, на конце одной приклеить одну линзу, на конце другой – другую, а затем, медленно сближая или раздвигая трубы, ловили момент четкого изображения, увеличенного во много-много раз.

Так были созданы сразу телескопы и микроскопы. Хотя могли быть созданы на тысячу лет раньше. Точно так же сейчас можно создать те простейшие вещи, которым суждено родиться намного позже. Но мы, христиане, отвергаем само понятие «суждено», так что паровой котел будет создан уже вот-вот, а потом на его основе как можно больше из того, что можно: насос, паровоз, пароход...

Я говорил вслух, отец Тибериус посмотрел на меня диким взором.

– Сэр Ричард!.. Какой пароход?

– Все увидите, – пообещал я. – А пока, не вытирая пот, за работу! Отечеству нужнее стойкие, а не размагниченно страдающие.

Монахи смотрели на меня сияющими глазами. Господь велел беречь и украшать созданный им мир уже нам, а разве паровой котел не лучшее из украшений?

Я обошел все столы, странное чувство близости к этим людям, страстно приближающим будущее, но оставшимся в памяти людской, как разжиревшие мракобесы, которые только и знали, что пили, жрали и баб щупали.

– Не хочется уходить, – признался я. – Если бы я знал, в какую западную лезу с этими высокими титулами!

На обратном пути встретил пышный эскорт из наиболее знатных вельмож, это начальник дворцовой стражи велел сопровождать меня, дабы не умалился мой титул и... чтобы ничего худого не вышло.

– Все-все, – заверил я. – Инспекция проведена, виновные повешены, невинные утоплены. Жизнь идет, возвращаемся.

– Как повелите, – бодро ответил вельможа на укрытом двумя роскошными попонами коне. – Перестроиться!

Рядом с ним рыцарь в полных доспехах, только забрало поднято, я узнал Жерара де Брюса, при первой встрече он командовал ландскнехтами барона де Пусе, сейчас уже барон, хозяин немалого куса плодородных земель с крестьянами, но, похоже, разводить розы или овец не намерен пока что.

Я кивнул ему, как старому знакомому.

– Барон, вы же знаете меня...

Он буркнул:

– Знаю. Но здесь команду не я.

– А вы чаще берите командование на себя, – посоветовал я. – Ведь барон Пусе и послал вас шпионить за мной лишь потому, что умеете принимать самостоятельные решения.

Зайчик, уловив движение колена, ринулся вскачь, Бобик с готовностью обогнал, но я придерживал обоих – незачем врываться в город на такой скорости – и услышал, как за спиной вельможа на коне с двумя попонами что-то сказал, а потом воскликнул с отвращением:

– Что я за дурак? Спрашиваю совета у человека в таком камзоле!

Я повернул голову, что там за такой уж особый камзол, но все одинаково яркие, хоть и разных фасонов, однако один из молодых лордов, орифламец, начал озадаченно оглядывать себя, а вельможа с двумя попонами повернулся к соседу.

– Сэр Кубирпис, а как вы полагаете?

Тот спросил обеспокоенно:

– А мой камзол в порядке?

– Получше, чем у сэра Ньюбергера!

– Но все-таки хорош недостаточно?

– Можно бы, – сказал знающе вельможа с двумя попонами, – вот здесь выточки с загибами, а здесь швы потолще, они придают мужественности...

Сэр Кубирпис сказал с подозрением:

– Вы назвали меня недостаточно мужественным? Это оскорбление!.. Сэр Тангерлд, я требую удовлетворения.

Вельможа с двумя попонами поморщился, драк не любит, но не ответить на вызов – потерять честь, ответил с надменностью, достойной императора:

– Если настаиваете.

– Настаиваю! – ответил сэр Кубирпис запальчиво.

– Тогда называйте время и место.

– На закате солнца, – твердо сказал Кубирпис.

– Смею предположить прямо сейчас, – возразил вельможа с двумя попонами капризно-утомленным голосом. – Ненавижу это новомодные штучки. Может быть, еще и секундантов возжелаете?

Кубирпис ответил холодно:

– Зачем же? Мы благородные люди, доверяем друг другу. А если секунданты так уж необходимы, то вы будете моим секундантом, а я вашим.

– Великолепно, – согласился Тангерлд.

Пока они договаривались, мы подъехали к дворцу. Он соскочил на землю и с неприятным лязгом вытащил из ножен меч, перевязь с тяжелыми ножнами снял и красиво отбросил в сторону. Кубирпис со вздохом спешился, вытащил меч, встал в позицию. Тангерлд с азартом ринулся вперед, быстро и умело нанося короткие прощупывающие удары.

Кроме спешившихся вельмож из моего эскорта, тут же появились еще зрители, начали подбадривать обоих, азартно вскрикивать, хлопать в ладони, нахваливать за особо красивые удары, выпады. Нашлись знатоки, что вспомнили известных бойцов, начали находить некое сходство.

За спинами толпы я не видел лиц дуэлянтов, но чувствовалось по движениям, что слышат и стараются соответствовать высоким образцам.

Я передал Зайчика в руки конюхов, Бобик раньше меня взбежал по ступенькам, перед ним распахнули двери, словно это он майордом, а я так, что-то мелкое из его свиты.

Барон Торрекс встретил в холле по ту сторону двери, я с укором в глазах покачал головой.

– Зачем мне эти напыщенные дураки? Двое вон уже подрались! И это, невзирая на мою священную... ну почти священную особу!

Он развел руками.

– Дело чести – святое дело. Даже король не в силах запретить или помешать. А послал потому, что... мы в завоеванной стране, не забыли?

– Они поймут, – заявил я самоуверенно, – что под нашей властью им будет лучше.

– Ну, когда это будет... Кстати, к вам отец Дитрих.

– Где он?

– Ждет возле вашего кабинета.

Я сказал сердито:

– Я же велел пускать его в любое время! Даже если меня нет!

Он покачал головой.

– Сожалею. Перед этикетом склоняют головы даже императоры.

Я махнул рукой.

– Что у меня за жизнь?

Глава 11

Отец Дитрих поднялся навстречу, но я пошел быстрее и успел преклонить колено и поцеловать ему руку.

– Благословите, святой отец... Прошу ко мне!

В кабинете он утомленно погрузился в кресло, лицо серое от усталости, глаза запали.

– Сегодня отправлял наших братьев... Священников недостает, да и здесь нужны, так что дал все полномочия братьям из монастырей...

Я спросил быстро:

– В Гандерсгейм?

Он кивнул.

– Да. Догадываюсь, там работы не меньше, чем оказалось здесь.

– Больше, – сказал я, – но мне очень стыдно, отец Дитрих, что умные люди оторваны от настоящего дела!

Он с укором в глазах покачал головой.

– Сын мой, я понимаю твое нетерпение... Сам был таким. Доходило до того, что злился, когда приходило время спать или даже трапезовать – столько времени пропадает зря!

Я ухмыльнулся.

– Мне и сейчас так кажется.

– Увы, – сказал он невесело, – это в Царстве Божьем будем избавлены от плотских нужд. А пока живем в грешном теле, приходится с ними считаться... И в грешном мире! Распространить веру Христа и власть церкви важнее, чем сделать лучше жизнь людей в отдельном королевстве. Ибо придут голодные и злые соседи, всех убьют, ограбят, сожгут из злобы и зависти.

– Понимаю, – буркнул я. – Это так... бурчу на неустроенность жизни.

Он слабо улыбнулся.

– Обустраивать некому, кроме нас. А хорошо бы, чтобы кто-то обустроил, а мы жили на готовеньком?

– Хорошо бы, – согласился я. – И пусть ему вся слава. А мне просто пряники.

– Увы, сын мой, сперва нужно делать черную работу, а уже потом чистую. Нельзя выскабывать одно место до блеска среди моря грязи.

Дверь чуть приоткрылась, осторожно заглянул сэра Жерар.

– Простите, сэра Ричард, простите, святой отец... но там прямо перед ступенями двое израненных рыцарей. Уже истекают кровью, но рвутся... Это же из вашей свиты!

Я ответил сердито:

– Долг чести, сэра Жерар! Я не стал бы вмешиваться, даже если бы мог.

Он исчез, я перевел взгляд на отца Дитриха, он развел руками.

– В человеке всегда сидит зверь, – сказал он невесело. – Церковь столько веков загоняет его вглубь, а он все рычит и отбивается... Даже не знаю, сумеем ли в этом поколении построить Царство Небесное на земле...

Я посмотрел с недоверием, показалось, что шутит, однако Великий Инквизитор смотрит чистыми добрыми глазами невинного младенца.

– Со зверем бороться трудно, – согласился я, – только те двое не звери, а напыщенные... гордецы. Что, наверное, еще хуже. Мы еще и зверя не задавили, а уже пришли новые дурости. Не на смену, а так, в добавку. Чтоб нам не скучать.

– Гордыня, – напомнил он смиренно, – смертный грех.

Я возразил:

– Гордыню само христианство и родило! До него были только отдельные всплески, все-таки язычество держит человека в рабстве, а христианство поставило на такую высоту, что

любой прямо лопаются от гордости! И душу дал сам Господь, вдохнув в наши тела часть себя, и освободил перед неизбежностью судьбы... Как не загордиться?

Он вздохнул.

– Если не разорвать кольцо судьбы, жизнь так и шла бы по кругу, повторяясь и повторяясь. Даже боги не могли что-то сделать. Но Господь сломал старый порядок, освободил человека и распахнул перед ним будущее. На фоне этого свершения все остальное выглядит мелким. Справимся и с гордыней. А пока, что делать, обоим рыцарям окажут помощь... Насколько я знаю, вы все еще паладин?

Я покачал головой.

– И не уговаривайте.

– Почему? Разве милосердие не входит в число ваших добродетелей? Ну тогда полечите хотя бы как соратников.

– И подать дурной пример остальным? – огрызнулся я. – Не-е-ет, пусть полежат, помучаются. Хорошо бы, чтоб у обоих началась от воспаления ран лихорадка или что-то похуже. Умереть я им, наверное, не дам, хоть и надо бы, а вот за дурости хоть немножко, но пусть расплачиваются. Спасибо, отец Дитрих, за священников и монахов. Мне, право, неловко отрывать их от действительно нужных дел.

Он поднялся, перекрестил меня.

– Сын мой, – голос его был невеселым, – это хорошо, когда нужным делом занимаемся хотя бы час в сутки.

Едва он вышел, сэр Жерар пропустил в кабинет барона Альбрехта. Тот не чинился, сразу принял чашку кофе и выпил с жадностью. Вид у барона на удивление помятый, даже усталый, таким не видел даже после жарких сражений.

– Проблемы? – спросил я с сочувствием.

– Рабочих согнали, – сообщил он, – со всех прилегающих к дороге земель. Хотя и с трудностями.

– Лорды?

– И лордики.

– И как разрушили?

– Пришлось намекнуть, что их имена тоже в списках не то участвующих в черных мессах, не то сочувствующих. Словом, раз на подозрении, то желательно загладить свою прошлую жизнь усердным сотрудничеством с новыми властями.

Я сказал с чувством:

– Барон, вы всегда найдете самый прямой выход!

– Спасибо, ваша светлость. Глядя на вас, каким только нехорошестям не научишься.

Я возразил:

– А мне кажется, это я у вас учусь чесать правой рукой левое ухо! Но это неважно. Главное, дорога строится.

Он кивнул.

– С самого начала начали строить, как вы и велели, как можно более прямую, благо здесь почти до самого Хребта равнина...

Он умолк, я спросил настороженно:

– А дальше?

– Есть прямо на пути болото, – угрюмо сказал он. – Огромное, глубокое, зловонное.

– Засыпать, – напомнил я. – Здесь других вариантов нет.

Он отшатнулся.

– Да слышал я, но поверить не могу! Это же сколько лишней работы!

– Не лишняя, – сказал я тоскливо. – Гигантская и вроде бы лишняя окупится, клянусь! Зато по прямой паровоз будет тащить с такой скоростью платформы, никакой конь не угонится.

Ладно-ладно, потом поверите... А еще он не знает усталости и будет мчаться до тех пор, пока в топку подбрасывают дровишки. Кстати, заготовить вдоль дороги нужно березовые, буковые или любые другие, что дают большой жар. Кто попробует пропихнуть сосновые – сечь нещадно, а при повторном проступке – вешать без замены штрафом... Что-то еще?

Он сказал нехотя:

– Я запустил среди простого народа несколько рискованный слушок...

– Что именно?

– Якобы умельцы выкопали древний самокат, созданный до Войны Магов. На нем будут возить всех бесплатно в любой конец королевства. Церковь возражает, но ничего сделать не может против воли лордов и самого майордома, все вельможные люди хотят пользоваться такой штукой...

– Что сказал отец Дитрих?

Он взглянул на меня исподлобья.

– Я не стал рисковать, а вдруг и правда будет против?

Я вздохнул.

– Понятно... Народ с удвоенным энтузиазмом строит дорогу, чтоб еще и утереть нос церковникам?

Он криво улыбнулся.

– Вроде того.

– Странная получается коллоборация, – сказал я, – монахи строят во имя Господа, мужики ехидно улыбаются и помалкивают. Ладно, лишь бы шло...

Он принял из моих рук вторую чашку, эту пил уже мелкими глотками, наслаждаясь вкусом.

– Дорога, – проговорил с затаенной усмешкой, – это что... А вот веера... это запомнят. И будут вспоминать о великом Ричарде, что придумал и ввел в моду веера...

Я зажмурился от нахлынувшего стыда. Блин, да что же я такое? На прошлом балу, когда от жара сотен свечей по спине бежали ручьи пота, я взял широкую тонкую дощечку, на которой старший из музыкантов рисовал свои непонятные закорючки, и стал обмахиваться. Любопытным объяснил, что в моем срединном королевстве, откуда я родом, так принято в высшем обществе, а веера у нас складные, делаются из тонких дощечек, скрепленных тонкими веревочками.

И вот уже в залах появились вельможи, что обмахиваются при любой температуре, а веера делают как из дощечек, так из слоновой кости и еще более дорогих и экзотичных материалов.

Вот так, железной дороги еще нет, а дамские веера уже... Еще, не приведи Господи, мое достойное, как я считаю, имя свяжут только с ними, как утверждает ехидный барон, бабьими опахалками. Мечтаю обрести славу основателя университета, а то и академии, а тут уже говорят с восторгом, что я придумал такие изумительные и такие необходимые в жизни штуки.

Я шел быстро, барон едва поспевает, его короткие, в сравнении с моими, ножки мелькают, как спицы в колесе, но я с некоторым злорадством еще наддал, срывая дурное настроение. По обе стороны придворные поспешно кланяются, с обеих сторон слышу эти «ваша светлость», «ваша светлость», где больше подобострастия к сильному и злему, чем уважения к достойному правителю.

Среди них то и дело попадаются люди, которых я не видел в первые дни, что вроде бы и понятно, но с другой стороны, этот предостерегающий холодок, накатывающийся волнами... То, что большинство меня не любят и боятся, понятно, но холодок идет от тех, кого должен бояться я сам.

Я выхватывал их взглядом почти безошибочно, что-то есть недоброе в осанке этих людей, манере держаться, разговаривать, бросать в мою сторону косые взгляды, хотя если я прохожу близко, тоже склоняются в поклоне, однако от них опасностью веет еще больше.

Ближе к парадному залу, где предстоит разбирать жалобы, таких стало появляться больше. Я чувствовал себя, словно голый иду по снегу под ледяным встречным ветром. Барон что-то рассказывает, я не рискнул перейти на запаховое, нет времени, несколько раз быстро и глубоко вдохнул, нагнетая кислород в кровь, ускорил метаболизм и реакции, руки начало трясти, а зубы пришлось сцепить, и в это время боковым зрением увидел, как с обеих сторон ко мне ринулись молодые мужчины.

В их руках заблестели ножи, глаза выпучены, поднялся крик:

– Смерть узурпатору!

– Убить врага!

– Бей!

Я крутнулся, смертельно жалея, что во дворце не ношу меча, ударил кулаком, но тут же бок ожгло резкой болью. Я вертелся, как выюн, бил во все стороны, дважды услышал хруст ломаемых костей, выдернул из одной руки нож и сам начал бить как можно быстрее.

Со всех сторон нарастал крик, шум. Затопали тяжелые сапоги, в зал ворвались гвардейцы.

Я прокричал:

– Брать живыми!..

Передо мной оставались только двое, молодые и с отчаянными глазами. Оба дышат так же тяжело, как я, гвардейцы набежали и успели схватить одного, второму я дал под дых рукоятью с такой силой, что он согнулся и не мог вдохнуть.

Им скрутили руки, примчался барон Торрекс, начальник охраны дворца, бледный и трепещущий, проговорил с болью в голосе:

– Простите, ваша светлость... Но я же настаивал, чтобы ограничить доступ во дворец!

– Придется, – буркнул я.

Он, видя, что я не велю его сразу на плаху, с облегчением перевел дух.

– Но, ваша светлость... их было пять человек!..

– И что?

Он кивнул на гвардейцев, те грубо переворачивали распростертых в крови остальных троих.

– Один точно не выживет... двое... посмотрим. Вы их всех изрезали так, что и одежда сваливается.

– Хороший нож попался, – сказал я сварливо. – Ладно, разбирайтесь! Меня ждут.

– Вас ранили!

– Мои лекари посмотрят, – пообещал я.

– Надеюсь, армландские?

– Конечно, сэр Торрекс, конечно.

Глава 12

С моим обостренным слухом я уловил, как Куно Крумпфельф проговорил деревянным голосом, словно повторял заученный урок:

– Как он терпит... вы видели его рану?

Барон Альбрехт поддержал в той же интонации:

– Ужасно! Гниющее мясо, где вот так сразу появились черви... Даже странно, обычно они на третий-четвертый день, а тут уже сегодня... Вот так заживо гнить, перенося такие ужасные, просто жуткие мучения? Я бы лучше бросился на меч.

– И я бы, – согласился Арчибальд гордо.

Только сэр Растер прорычал гневно:

– С ума посходили? Господь не одобряет самоубийство.

– Запрещает, – уточнил Арчибальд.

Барон Альбрехт возразил:

– Нет, я беседовал с отцом Дитрихом, он сказал, что самоубийство – грех, даже смертный грех. Но в особых случаях человек имеет право лишиться себя жизни.

– В каких? – полюбопытствовал Арчибальд.

Барон пробормотал с осторожностью:

– Отец Дитрих объяснял сложно, хотя старался для меня упростить. Я понял только, что честь даже для церкви дороже жизни. Ведь выходили же первые христиане на арену Колизея, чтобы их растерзали львы? Хотя можно было просто отречься от Христа и жить, как прочие язычники!

– Да, – сказал сэр Растер с облегчением. – Это хорошо, что можно.

– Верно, – сказал и Палант. – Что жизнь без чести?

– Честь – это все, – подтвердил барон Альбрехт со значением. – Для христианина честь даже больше, чем для язычника. У языческих богов чести не было.

Я неслышно отошел в сторону.

Вечером за одной панелью послышался тихий стук. Я сказал громко «Можно», тайная дверь приоткрылась, сэр Жерар пропустил мимо себя барона Альбрехта. Я кивнул, сэр Жерар поклонился и отступил за дверь.

Я сказал барону нетерпеливо:

– Докладывайте.

Он спросил взглядом разрешения сесть, расправил фалды сен-маринского кафтана, переходящего в дублет, опустил осторожно, словно на гнездо с перепелиными яйцами.

– Как вы и предположили, – сказал он тихо, – все сразу зашевелились. Пока явных признаков действия нет, сейчас период бурных консультаций. Все спешно прикидывают, что случится, как только яд сведет вас в могилу.

– А уверены все?

Он кивнул.

– Вы очень хорошо сыграли, сэр Ричард. Если лишитесь майордомства, можете подрабатывать в труппе бродячих актеров. Все уверены, что доживаете последние дни. И уже спешно высчитывают на пальцах, кто падет, кто усилится, к кому нужно быть поближе, а кого толкнуть...

Я поморщился.

– Это их игры. Что насчет более серьезного выступления? Кто-то намерен возглавить священную войну против поработителей и угнетателей?

Он спросил озадаченно:

– Против кого?

– Против нас, – пояснил я нетерпеливо. – Барон, вы меня удивляете!.. То орел, что даже мух ловит, то просто... барон.

– Это вы, – огрызнулся он, – слишком распрыгались, как блоха какая! Майордом мог бы вести себя и посolidнее. Я за вашей ускакивающей мыслью не успеваю, я человек с весом, хоть и поменьше вас по габаритам. Думаю, через два-три дня начнут сколачивать союзы, тогда можно и накрыть...

– Если друг против друга, – сказал я, – пусть сколачивают. Если же кого-то выдвигают возглавить борьбу против коварных Темных Сил Зла... это мы, барон, не ахайте... меры надо быстрые и без всякой сентиментальности. Дабы из искры не возгорелось пламя.

– Да, – согласился он, – нам только пламени недостает. А дым уже идет.

Я сказал, морщась:

– Дорогой барон, хоть расшибитесь, но найдите компромат. Сволочи они, развратники, детей насильовали, от Кейдана рассчитывали... а то и получали горы золота?

Он вздохнул, в глазах сочувствие, развел руками.

– Увы...

– Что удалось собрать?

– Ничего, – ответил он. – Чисты, как рыба в горном ручье. Не богаты, но у них все есть, чтобы не ходить с протянутой рукой. Прекрасные ребята, а по молодости честны и преданы сюзерену больше, чем нужно. Это они вас, ваша светлость, не за блага какие-то, а... порыв души.

Я сказал желчно:

– Борцы за справедливость?

– Именно. Борьба с узурпатором.

Я поморщился.

– Сочувствую, но все равно ликвидировать их просто необходимо. Я не могу оставить таких вот в живых! Милосердие поощрит прочих дураков. Просто мерзавцев казнить было бы проще, кто спорит, а вот этих...

Он подумал, покачал головой.

– Может, их вывезти в мешках через Тоннель на ту сторону? Оттуда уже точно не вернуться. А здесь можно объявить, что удавили грязной веревкой в застенке. И что хрипели и брыкались в процессе удавливания. И глаза полопались...

Я вздохнул.

– Да, что-то придумать надо. А пока объявите, что идут приготовления к жестокой и мучительной казни. Чтобы их последователи присмирели.

Он безучастно кивнул, по лицу видно, что думает о другом, поморщился, наконец сказал твердо:

– И вообще... сэръ Ричард, мы уже не в походе!

– Да, – ответил я, – и что?

Он сказал, повышая голос, словно это он сюзерен, а я так сиволапый из захолустья:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.